

Полярные чувства

16+

Дока Анастасия

Анастасия Дока
Полярные чувства

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дока А. К.

Полярные чувства / А. К. Дока — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Записки со странными символами, фотография лисицы, острые специи, красный шарф и маска быка-дьявола. У жертв нет ничего общего кроме головоломок, оставленных на месте преступления. Изучая улики, Александра выходит на больного шизофренией. Именно он слушает приказы ледяных ос. Однако в его сознании есть и другой голос – реальный. И тот, кому он принадлежит, намного опаснее любого психа. Нет страшнее зверя, чем тот, что выбрался наружу из потемок души сломленного человека. Обложка авторская.

Содержание

Часть первая	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть первая

Послания

Глава 1

Из блога Eu1h24

Болят голова: такое ощущение будто внутри мозга маршируют колонны гигантских ос. Они не летают, плавно перемещаясь между извилинами, а шагают, топчут серое вещество. И жалают. Каждую минуту все настойчивее и настойчивее словно стремятся что-то до меня донести.

Прошло полчаса, возможно и больше, и мне кажется я начинаю понимать их речь – они хотят моих действий.

Подхожу к зеркалу: вполне доброжелательная улыбка и теплый взгляд, но если взглянуть под другим углом, то можно увидеть совсем иную картину – улыбка сменится хищным оскалом, а глаза... Мои зрачки покажутся вам льдинками с острыми краями, а в них вы увидите холод, пробирающий до костей. Он почти осязаем.

Так выглядит ярость. Именно она движет моим существом.

Да, иначе и быть не может. Настала пора избавления.

Нравится: 1

Не нравится: 2

На часах была половина второго. Невесомые хлопья снега, исполняющие свой танец, деревья-великаны, уснувшие под пушистым одеялом, отражение блуждающих светлячков, коими притворились фонари на обочине дороги – все это создавало картину практически сказочной идиллии. И только луна, вилая боком из-за облаков, будто посмеиваясь над царящей вокруг атмосферой, зловеще обрамляла серебряным сиянием место преступления. Редкие звезды холодно взирали на жертву, а завывающий декабрьский ветер пробирал до костей – не в такой обстановке хотел бы сейчас оказаться криминалист Иван Резников, но ничего не поделаешь: работа есть работа.

– На первый взгляд, женщина умерла от гипотермии, – судмедэксперт Павел снял латексные перчатки и поднялся с колен.

Иван придерживался такого же мнения. Не смутило его и то, что жертва была обнажена, и так же как и ее одежда, брошенная рядом, припорошена снегом, правда в значительно большей степени, ведь несчастную не просто накрыло снегом – она сама себя закопала.

Рытье норы, так же как и раздевание – это неадекватная реакция организма на переохлаждение. Реакция, предшествующая смерти. Медики называли такое состояние терминальным копанием.

– Женщину держали связанной, – продолжал Павел, – возможно, она изначально находилась в агрессивной холодной среде – подробнее скажу после того, как исследую труп в лаборатории, здесь же ее состояние просто достигло логического пика: организм и психика не выдержали. Своеобразную могилу она вырыла незадолго до смерти. Предположу, что преступник ее отпустил, но природа сыграла свою роль. Я не думаю, что это убийство.

– Поищу следы протектора: жертву должны были как-то сюда доставить. Следов волочения я не наблюдаю, хотя вообще наотптали тут изрядно, – Иван направился к срубленной березе, где и обнаружил начало колеи.

Она заканчивалась у дороги – понять куда именно направилась машина было невозможно: через сорок метров начиналась развилка, зато ширина колеи позволяла определить тип

автомобиля – легковой. След протектора местами имел изношенный рисунок, более того, при въезде в парк автомобиль зацепился за железную арматуру, которую все никак не могли убрать: она осталась от старого осветительного столба, и на той остались частицы черной краски. Криминалисту оставалось только сверить рисунок протектора и ширину следа по специальным таблицам – и на руках будет не только модель шины, но и транспорта, на который они устанавливаются. Невероятная удача.

– Вань, что у тебя? – за спиной возник следователь, он же руководитель следственного отдела, Владимир Андреевич Рукавица – человек, пришедший на смену продажной верхушке. Интуит, которому Резников невольно симпатизировал.

– К утру смогу определить марку автомобиля, а пока точно могу сказать, что искать надо поцарапанную черную легковушку.

– Не густо, но что-то.

– А у вас как?

Следователь разочарованно пожал плечами. Опрос свидетелей не дал ровным счетом ничего, кроме новых вопросов: мужчина утверждал, что убийца женского пола, так как волосы были ниже плеч, а его жена была убеждена, что это мужчина, а за волосы муж принял меховой капюшон. Между супругами чуть не разгорелась ссора, и если бы следователь тактично не напомнил, что они ругаются на месте возможного убийства – скандала не миновать. Единственное, в чем мнения сошлись, так это в наличии маски: и он, и она в этом ни капли не сомневались. Но и тут следователя ждала загвоздка. Женщина видела маску красного дьявола, а муж – темно-желтого быка. Про машину ни один не упомянул.

– Что думаешь? – вернувшись к труп, они с сожалением рассматривали красивое женское лицо, – супруги все это придумали?

Резников промолчал, рассматривая мертвую девушку. Она казалась смутно знакомой. Мог ли он ее видеть раньше? В последние месяцы Иван не слишком рассчитывал на собственную внимательность или память: недосыпания и волнение из-за семейных проблем оставляли явные отпечатки в работе, и, как назло, такой отпечаток обнаружился и сейчас.

– Вань, а что с одеждой?

Молчание.

– Ты ее что, не проверил?!

Оправдываться Иван не хотел: сел на корточки и запоздало начал перебирать вещи погибшей. Обнаружил небольшую черную нитку и как возможную улику убрал в пакетик. Ожидал найти документы, но их не оказалось, зато, к своему удивлению, криминалист обнаружил в пуховике едва заметный внутренний карман, а в нем полоску бумаги. Три пары глаз с недоумением уставились на запись:

«У№ее<ыkihy:ie81k17yi51,31vy1№apa7ky:ika8ex№ый[1k1в.»

Учительница младших классов Лапина Клавдия Евгеньевна возвращалась домой. В ее небольшой черной сумке покоилась стопка непроверенных тетрадей, а на лице блуждала улыбка. Женщина чувствовала себя счастливой – сегодня должна была приехать дочь. Прошел год с того момента, как ее милая Василисочка вышла замуж и переехала. С тех пор их общение сводилось к скайпу или телефону. Приезжала она на праздники и изредка на выходные.

Клавдия Евгеньевна по привычке проверила почтовый ящик, забрала любимый журнал кроссвордов вместе с парочкой каких-то бумажек и стала подниматься по лестнице. В ее годы без лифта обходится было непросто – каждая ступенька давалась тяжело: учащенное сердцебиение, одышка, боль в ногах, а это только третий этаж. Впереди еще два. Каждый раз она со слезами на глазах преодолевала путь домой. Утешение приносила мысль о любимом коте, ждущем возле порога и еще о многочисленных мазях, снимающих боль в коленях.

Подходя к двери, она явственно услышала радостное мяуканье, и в то же мгновение муки пожилой женщины сменились тем добрым и светлым выражением лица, что характерно матерям, спешащим к своим маленьким детям. Кот и правда был для нее ребенком, и она знала, что уж он-то ее не покинет.

– Ну что, Арсений, соскучился?

Кот потерялся о ноги хозяйки, а потом запрыгнул в раскрытые объятия. Клавдия Евгеньевна с трудом избавилась от обуви, сморщилась от боли, почувствовав очередную мозоль на стопе, и прошла в гостиную.

– Ну что, Арсений, готов праздновать? Через два часа Василисочка приедет. Опять одна. Лешенька в командировке, но что поделать, зато они живут в достатке, – она вздохнула и опустилась в кресло. Кот замурлыкал от удовольствия: настало время его любимого занятия – сидеть на руках хозяйки напротив окна.

Так они вдвоем и сидели, наблюдая за идущими вдалеке прохожими, ожидая, когда с дороги свернет черная «хонда». Каждый думал о своем: кот наверняка гадал о том, сколько деликатесов ему сегодня перепадет со стола, а его хозяйка вспоминала молодость. Всю жизнь, сколько Клавдия Евгеньевна себя помнила, она сидела в ожидании в этом самом кресле.

Маленькая Клава ждала, когда же мама позовет ее есть печенье, которое сладко-пряным ароматом корицы каждые выходные радовало всех домочадцев. С нетерпением елозила по мягкой поверхности, пока отец чинил велосипед – извечное крушение надежд семьи на спортивное будущее дочери, у которой не получалось ничего из того, что хоть как-то было связано с физической подготовкой. Повзрослев, Клава ждала, когда ее позовут гулять подружки; со слезами смотрела на телефон, надеясь на звонок понравившегося мальчика, и даже к экзаменам готовилась в этом самом кресле. Здесь же она умывала слезами своего первого кота, когда тот заболел и его пришлось усыпить, и дрожащими руками сжимала бежевые подлокотники, когда умерли родители.

Ничего не изменилось и после замужества: ожидание мужа с работы, разгадывание кроссвордов после ссоры, обсуждение совместных планов и горькие слезы, пролитые на те же подлокотники после развода. В этом кресле она смирилась и с пропажей сына...

Клавдия Евгеньевна вытерла слезы рукавом старого бежевого платья и погладила приунывшего кота. Тот, словно почувствовав состояние хозяйки, сочувственно мяукнул. Стараясь унять сентиментальный порыв и, убаюкивая проснувшееся чувство утраты, острыми когтями раздирающее сердце, женщина вновь обратила взор на улицу, на проезжающие мимо машины.

Когда долгожданная «хонда» сверкнула отполированными боками, Клавдия Евгеньевна воспрянула духом: когда-то жизнь отобрала у нее замечательного сына, но взамен подарила прекрасную дочь, и поспешила навстречу, забыв и о больных ногах, и об отдыхе.

– Мама! Не плачь! Я дома, все хорошо! С днем рождения! – миниатюрная молодая женщина в красном зимнем пальто и такого же цвета шапке – «таблетке» обняла рухнувшую в ее объятия Клавдию Евгеньевну, – мама, прекрати лить слезы, сейчас же! А то я уеду обратно!

– Нет, нет, Василисочка, я уже не плачу. Давай сумку.

– Какая сумка, мама! Не хватало тебе еще тяжести носить.

Клавдия Евгеньевна улыбнулась, и обе начали подниматься вверх.

– А почему ты меня на лестнице встречаешь?

– Соскучилась.

– Я тоже, мама.

Звучный поцелуй в щеку, щелчок входной двери и радостное восклицание:

– Мама, у тебя новый жилец? Какой красавчик!

Кот будто понял комплимент: потерялся о ноги госты и мелодично мяукнул.

– Арсений зовут.

- Привет, Арсений! Я – Василиса.
- Кот снова мяукнул.
- Мама, ты его купила?
- Возле дома подобрала. Он уже месяц со мной живет, – Клавдия Евгеньевна медленно провела рукой по гладкой шерсти, отчего Арсений выгнул спинку и заурчал.
- И сколько ему?
- Восемь месяцев.
- А на наши года – это сколько?
- Шестнадцать лет. Я помню тебя в этом возрасте, – женщина лукаво улыбнулась, вмиг растеряв половину прожитых лет.
- Я была занозой, знаю.
- Ты была ангелом, Василисочка.
- И у этого ангела была святая мама, – нежно улыбнулась та в ответ, а после серьезным тоном добавила: – Прекращаем разводить лирику и идем на кухню. Я тебе сейчас такие вкусности наготовлю! За уши не оттянешь!
- Жду не дождусь, – улыбнулась Клавдия Евгеньевна, выкладывая из сумки упаковку с вафельным тортом.
- Кстати, торт финский. Лешка привез. Он просит прощения, что не смог приехать.
- Я все понимаю. Ты только скажи: у вас все хорошо?
- Ой, мама, – всплеснула руками Василиса, – так хорошо, так хорошо! Я ведь беременна, мама!

Глава 2

Из блога Eu1h24

Ее жизнь была прожита не зря: девчонка успела закончить школу с золотой медалью, стать лучшей на третьем курсе факультета журналистики и даже пару раз мелькнуть на экране в качестве зрителя.

Я выбрал ее на прошлой неделе – в день первого выпавшего снега. Она проходила мимо моего дома и не догадывалась о том, что я внимательно рассматриваю ее внешность. Я успел разглядеть черные брови, большие глаза и цвет волос. Он вызвал во мне ассоциацию с разгорающимся пламенем. Этого хватило.

Я забрал ее туда, где бы никто не стал искать и держал так долго, сколько это того требовало. Первое время она вырывалась, затем начала умолять. Потом просто кричала долго и упорно пока не охрипла, а я наблюдал за ней и чем дольше смотрел, тем меньше она мне напоминала ту, из-за которой сюда и попала. Через час я понял, что единственной схожестью между девчонкой и моей болью является цвет волос.

А потом... потом снова заговорили осы. Вы когда-нибудь видели ледяных ос? Нет? Они похожи на овальные льдинки с ажурными почти что прозрачными крылышками. Красивые, но холодные. И жестокие. Они копошились в моей голове, заставляя снова искать жертву.

Когда температура тела девчонки упала до двадцати семи градусов, и сознание начало путаться, я решил ее отпустить, понимая, что она все равно не жилице: вывез в парк неподалеку с домом, а сам уехал. Наверняка ее тело уже нашли, а вместе с ним и мое послание. И ведь никто не скажет, что я убийца – убил не я, убил холод.

А мне пора искать новую. Да, иначе и быть не может. Голова... Снова болит.

Нравится: 3

Не нравится: 1

Судмедэкспертиза подтвердила смерть от гипотермии. Иван Резников попрощался с Павлом, взглянул на жертву, очередной раз поймав себя на мысли, что где-то уже видел это лицо, и направился к лифту. Рабочий день был окончен и, к сожалению, так и не принес практически никаких результатов.

Удалось установить, что девушку привезли на черной «шкоде октавия» 2016 года выпуска. Машина оказалась угнанной. По базе данных пытались пробить похожие случаи угона и нашлось более сорока совпадений. Из них почти у половины имелись повреждения. Вопрос с автомобилем пока оставался открытым.

Найденные на месте преступления волокна перчаток тоже не принесли нужных результатов: такие носил каждый второй мужчина. Что касается свидетелей, по несчастливой случайности возвращавшихся именно в ту злополучную ночь из кино, показания остались те же: разноцветная маска дьявола-быка и неопределенный пол преступника. В отделе над парой посмеивались, считая, что супруги все выдумали и сделали это то ли от шока, вызванного видом трупа, то ли для красного словца.

Относительно шифра, вопросов тоже пока было больше, чем ответов: он не походил ни на один из тех, с чем приходилось работать ранее. Написанное от руки послание отправилось бы напрямую в почерковедческую лабораторию, но оно было распечатано на компьютере. Использовалась бумага плотностью 80г/м², белизна ISO от 92 до 94%, СIE в пределах 135-146%, другими словами, бумага класса С или обычная офисная, что значило только одно: использовать ее мог кто угодно.

Иван договорился встретиться с подругой Александрой Селиверстовой – бывшим следователем, а ныне частным детективом. С человеком, который больше всего на свете любил разного рода головоломки. Он опаздывал уже больше, чем на час: если бы так долго не выбирал курицу-гриль и салаты, не решил зачем-то купить марокканские мандарины, то не стоял сейчас в пробке на проспекте Ветеранов. До дома Пули, такое прозвище он дал Александре за умение невероятно быстро находить решения на сложно поставленные задачи, оставалось четыре с половиной километра, но из-за его нерасторопности время, когда он обещал приехать сильно отодвигалось. Подруга не любила опозданий, и он уже знал, что она его как-нибудь подколлет. Скажет что-то наподобие: «*В следующий раз не забудь предупредить, что магазин находится на Юпитере*». И будет права – он едет слишком долго, а ведь она там голодает. Из-за работы у нее совсем не оставалось времени на готовку.

Иван рассматривал вереницу впереди стоящих машин и ужасно корил себя за такую нелепость. И зачем только он выбирал курицу порумянее? Почему не мог взять винегрет или салат из моркови? Нет, ему приспичило побаловать Пулю. И теперь в пакетах на заднем сиденье лежали, выдыхаясь «Неаполитанский» и еще какой-то «Экзотический» салат с ананасом. Оставалось надеяться, что подруга оценит его старания. Впрочем, зная Александру, он не сомневался, что сначала она над ним поиздевается. Он улыбнулся, представляя ее делано хмурое лицо, и в этот самый момент машины двинулись с места.

Селиверстова не упустила возможности подколоть друга, но он не обиделся, и теперь они вместе сидели за столом и с удовольствием поглощали салаты. Начали с «Экзотического». Пуле очень понравилось сочетание ананаса с креветками. Иван улыбался – время потратил не зря.

Она делала записи, полностью погрузившись в размышления, а он тем временем рассматривал лицо подруги: сосредоточенный взгляд, слегка поджатые губы, едва заметная морщинка на гладкой поверхности лба. Он любил наблюдать за Александрой во время работы. Именно в эти мгновения она выглядела как никогда привлекательно. Расследование всегда заставляло ее сердце биться чуть быстрее, разгоняя кровь и, добавляя румянец щекам. Поиски истины пробуждали азартные огоньки в глазах, делая их еще более живыми. В такие минуты Иван любил помечтать, представляя, как они вечерами сидят вместе и делятся мыслями по поводу очередного дела. Он представлял, как ладонями проводит по ее коже, вдыхает ее запах. Из приятных мыслей его выдернул голос Селиверстовой:

– Бриз, я закончила.

Она уже давно дала ему это прозвище и наедине обращалась только так.

– Ты говорил про какой-то шифр на месте преступления. Что там?

И он все рассказал, упомянув в том числе и о нелепых показаниях супружеской пары. К его удивлению, Александра не рассмеялась и даже не улыбнулась.

– Почему ты решил, что они все придумали? – спросила она, убирая бумаги и, распечатывая привезенную им упаковку с тортом.

– Так они видели разное – как такое возможно?

– А что, если оба говорят правду? Ты читал «Сокровища Валькирии»?

Он любил читать, но его любовь к чтению не шла ни в какое сравнение с ее страстью. Когда выдавались выходные она обязательно что-нибудь читала, причем не останавливалась на одном жанре – она была всеядна. В громадной библиотеке Селиверстовой можно было найти не только художественную литературу, но и научно-познавательную. Александра часто говорила, что нет ничего хуже необразованности.

Резников испытал легкий стыд и ответил:

– Еще не читал.

– Любопытно, рекомендую, – подруга отрезала приличный кусок бисквита и продолжила: – Автор книги Алексеев утверждает, что «дьявол» дословно переводится как «бешеный

бык». Не знаю насколько это верно, но мнение такое существует. Более того, вспомни испанский язык: слово «дьябло» переводится как дьявол, и именно так звали быка герцога Верагуа.

– Кого? Ничего не понимаю, – Иван не скрывал замешательства, поскольку объяснения подруги были еще более туманными, чем показания свидетелей.

– Герцога Верагуа, – повторила та, – внука Колумба – Луиса.

– Я понимаю, что ты как всегда мыслишь нестандартно, но объясни как-нибудь попроще.

Александра улыбнулась:

– Вполне вероятно, супружеская пара сообщила именно то, что видела. Кто видел дьявола? Женщина. То есть тот, кто заведомо более впечатлительный. Ее муж рассмотрел быка – создание, что ближе к реальности.

– Это все теория, но допустим. А что насчет цвета?

– Могу предположить, что версия женщины правильнее.

Немой вопрос в глазах собеседника заставил широко улыбнуться. Роль этакой всезнающей учительницы доставляла удовольствие, и, отрезая новую порцию, она спросила:

– Бриз, что ты знаешь о дальтонизме?

– Мало, – сухо ответил тот, пытаясь вспомнить, что же он действительно знает кроме того, что при дальтонизме люди не видят...

«Точно!» – и громко воскликнул: – Дальтоники не видят красный цвет!

– Молодец. Еще?

– Что еще?

– Что еще ты знаешь?

Тишина.

– Бриз, у кого чаще встречается дальтонизм?

– У женщин? – осторожно ответил Резников.

– В основном он передается по женской линии. Наследственный дальтонизм поражает приблизительно 8% мужчин и 0,5% женщин.

– То есть ты думаешь, что один из свидетелей дальтоник?

Она кивнула:

– На вашем месте я бы опросила пару еще раз и выяснила про заболевание.

– Пуля, ты так уверена, что на преступнике была маска? Может все-таки у обоих вышло воображение, тем более, учитывая, что они возвращались с фильма ужасов?

– Не думаю, – просто ответила Александра, и тут у Ивана зазвонил мобильный. Сообщили о трупе. И снова замерзшем.

Глава 3

Клавдия Евгеньевна не могла налюбоваться на дочь, пока та помешивала в большой кастрюле ароматную индейку с семью видами овощей. Ее Василисочка привезла абсолютно все продукты, что она так любила, не забыла и про такой вредный, но вкусный «Спрайт». Повезло ей с дочерью, очень повезло. Редко кому удается вырастить столь благодарного ребенка, а ей как-то удалось.

– Василисочка, давай помогу.

– Сиди, мама, и получай удовольствие. Можешь уже подарок раскрыть.

– Нет, – улыбнулась Клавдия Евгеньевна, – посмотрю, когда первый кусочек торта съем.

Это была давняя традиция – смотреть подарок, когда загадаешь желание, задуеть свечи и съешь первый кусок. Повелось в их семье это еще с детства самой Клавдии, традицию с удовольствием поддержала дочь. Она и свой день рождения отмечала так же.

Не сдерживая слез радости, пожилая женщина коснулась плеча дочери. Ее «спасибо» прозвучало надрывно и тихо, от чего сердце у самой Василисы защемило:

– Мама, перестань лить слезы. Это уже невозможно! Лучше попробуй овощи. Соли достаточно?

Клавдия Евгеньевна сняла пробу и, не удержавшись, сморщилась.

– Пересолила, да?

– Тебе можно. Вам можно, – она коснулась еще совсем незаметного животика, – уже решили как назовете?

– Девочку Кристиной.

– Хорошее имя, – улыбаясь, она продолжала гладить животик дочери.

– Мальчика Артемом. Как папу.

Рука Клавдии Евгеньевны замерла, в глазах проскочил еле заметный холод.

– Не надо в честь папы.

– Почему? – искренне удивилась Василиса.

Женщина замялась. Как объяснить причину, не рассказывая правды? И сказала то, что первым пришло в голову:

– Я бы хотела, чтобы ты назвала мальчика, так же как звали твоего брата.

Затянувшаяся пауза заставила нервничать обеих. Клавдия Евгеньевна не хотела ворошить болезненные воспоминания и все же сделала это, заставив сердце забиться аритмично. Василиса, в свою очередь, не знала о брате ровным счетом ничего, кроме самого страшного – он пропал много лет назад.

– Если ты не хочешь, – поспешно заговорила мать, – я пойму и не обижусь.

– Все хорошо, просто... – Василиса начала усиленно перемешивать овощи, – имя таит в себе судьбу человека, и я боюсь...

– Что твоего мальчика постигнет та же участь... – закончила с тяжелым вздохом Клавдия Евгеньевна.

– Пусть лучше он вырастет таким же мечтателем, как папа. И станет путешественником, и объездит все страны, хорошо, мама? Не обижайся. И вообще пока никто не родился, так что и говорить не о чем. Сейчас на стол накрою, – и Василиса с улыбкой стала раскладывать столовые приборы.

Праздничный ужин был отменным: индейка была сочной и таяла во рту, все семь видов овощей были мягкими и насыщенными специями, даже морковь, что всегда получалась у ее Василисочки не очень хорошо, на этот раз удалась на славу. Ветчина, привезенная из Москвы, казалась в разы вкуснее питерской, сыр, маслины, крабовые палочки, семга слабого копчения,

овсяный хлеб – все имело изумительный вкус. Клавдия Евгеньевна понимала, что мужу Василисочки очень повезло: в современном мире не каждая женщина двадцати двух лет умела так хорошо готовить. Дочки ее знакомых предпочитали заниматься финансовыми вопросами, тренажерными залами, личностным ростом и чем угодно еще, но только не стоять у плиты. Почему-то у них это считалось старомодным – куда проще сходить в кафе или заказать еду на дом. Ее Василисочка всегда готовила сама.

Впервые она встала к плите семилетним ребенком: сварила овсяную кашу и пожарила сладкие гренки. Уже тогда Клавдия Евгеньевна надеялась, что дочь займется кулинарией серьезно, но та предпочла работу дизайнера интерьеров.

«Такую работу может делать любой», – говорили все знакомые без исключения, но мать это не волновало. Она, в отличие от остальных, понимала, что дочь счастлива и занимается своим делом. Этого Клавдии Евгеньевне было достаточно. Она всегда старалась быть не просто матерью – подругой. Но сделать это, когда тебе почти пятьдесят, а дочери всего десять оказалось непросто: обе чувствовали разницу поколений, но все же нашли общий язык. А когда ее Василисочка пошла в институт, волшебным образом появились общие интересы. Как оказалось, и матери, и дочери нравились одни и те же дисциплины, художественные произведения и даже мальчики схожего типажа. Клавдия Евгеньевна крайне удивилась, когда первые серьезные отношения Василисочка завела с точной копией ее школьной любви, а когда та представила жениха слов и вовсе не нашлось. Лешенька был невероятно похож на друга из общежития – мальчика, с которым юная Клава впервые пошла на танцы.

У них с дочкой было много общего: любимые цвета – красный и черный, пристрастие к еде, хорошо сдобренной специями, непереносимость алкоголя, старомодный вкус в одежде. Обе женщины были очарованы Коко Шанель и с удовольствием носили шляпки – «таблетки» и «биби». У Клавдии Евгеньевны была целая коллекция, дочь пока в этом отставала.

А еще у них было особое отношение к числу «семь» – многие важные события были связаны с этой цифрой. Клавдия вышла замуж седьмого ноября, родила сына в семь утра, дочь появилась на свет в час ночи и семь минут. Оба раза выписка была седьмого числа. Семь роз подарил ей будущий муж во время первого свидания и столько же лет они прожили в браке.

У Василисы с семеркой было связано не меньше. Леша сделал ей предложение седьмого сентября, поженились они седьмого июля, в зале регистрации их пара была седьмой и даже их квартира находилась на седьмом этаже. Квартира под номером семьдесят семь.

Нередко мать и дочь смеялись над таким стечением обстоятельств, но, несмотря на собственную иронию, всегда выбирали «свою» цифру, даже если это была просто ячейка для хранения в магазине.

Угощения были съедены, и они приступили к самой приятной части вечера – вафельному тарту с насыщенным кофейным вкусом.

– Мама, ты готова загадать желание? – лукаво поинтересовалась Василиса, активно налегая на десерт. – Подарок ждет.

– Готова, – улыбнулась в ответ Клавдия Евгеньевна и начала спешно доедать свой кусок.

В ней по-прежнему сохранилось то светлое и наивное ощущение чуда, свойственное детям.

– Готова, – повторила она, в предвкушении закрывая глаза и, протягивая руки, на которые в тот же миг легла небольшая квадратная коробка.

– Угадаешь что там?

– Книга?

– Нет.

– Косметика? У меня как раз все помады заканчиваются, а в школе без «лица» появляться нельзя.

– Это я тебе и так подарю, – засмеялась Василиса.

– Все, сдаюсь! – в сторону полетели обрывки глянцевой бумаги, крышка приземлилась на пол, и взору пожилой женщины предстала невероятно нежная и миниатюрная красно-белая шляпка в стиле «биби».

– Мама, я помню, как мы с тобой ходили на ярмарку ручных изделий, и ты присмотрела эту шляпку, но ее купили прямо перед нами – забрали последнюю. Это не совсем та – у нее нет ажурных вставок – зато посередине брошь с очень симпатичным тюльпанчиком.

– Ты запомнила... – глаза Клавдии Евгеньевны вновь заслезились.

– Опять слезы? – Василиса пыталась выглядеть сердитой, но то ли из-за ее шкодливого и все еще детского личика, то ли из-за особенности характера, получалась лишь пародия. Она обняла мать и прошептала:

– С днем рождения, мама-плакса.

Клавдия Евгеньевна благодарно зарылась лицом в шевелюру своей Василисочки, а потом, спохватившись, примерила «биби» на голову дочери и воскликнула:

– Ты могла бы оставить ее себе! Тебе так идет и по возрасту подходит.

– Мама! – рассмеялась Василиса, – напомним, день рождения у тебя, а не у меня. К тому же твоя коллекция просто обязана пополниться этим экземпляром.

– И куда я ее надену? – Клавдия Евгеньевна вытерла слезы рукавом все того же платья и повертела в руках подарок.

– На свидание, – ответила Василиса, – ты у меня еще молодая, пора бы об этом вспомнить, – и снова лукаво улыбнулась.

Ночь постепенно вступала в свои права: луна зависла желтым шаром на небосклоне, в окнах соседнего дома поочередно выключался свет. Довольный сытый Арсений нехотя слез с рук любимой хозяйки и с укором взглянул на девушку в красном пальто.

– Может останешься? – Клавдия Евгеньевна поправила меховой воротник, – темень на дороге, а ты за рулем.

– Мама, дорогу освещают фонари, не волнуйся.

– Ну зачем тебе сейчас ехать? – не унималась пожилая женщина.

– Лешка утром возвращается, хочу ему блины приготовить.

– Утром и поедешь.

– Мама, он в семь возвращается. Все, целую, я побежала. Давай мусор заодно захвачу.

– Может блины ему потом испечешь? Василисочка?

– Мама, я жду, – нетерпеливо стукнула каблучком.

Клавдия Евгеньевна тяжело вздохнула и протянула ей мешок с отходами.

– А эти бумажки на столе выбросить? – поинтересовалась Василиса, указывая на почту, что забрала мать, возвращаясь с работы.

– Выброси. Только кроссворды мне оставь, – грустно улыбнулась, подала бумажки и, крепко обняв дочь, прошептала: – Позвони как доедешь, хорошо?

– Я скину смс, что жива-здорова. Все, пока, люблю. Арсений, было приятно познакомиться, – и выскользнула за дверь.

Кот снова начал ластиться к хозяйке, Клавдия Евгеньевна погладила любимца и поспешила к окну. Только когда красное пальто скрылось в салоне автомобиля, с облегчением вздохнула и взялась за кроссворды:

– Ну что, Арсений? Василисочка нам с тобой порядок навела. Отдохнем?

Кот в ответ мяукнул.

Василиса выбросила мусорный мешок, но обратила внимание на листовку с рекламой новой пиццерии – точно такой же, что на днях открылась в районе, где они жили с Лешкой – и если бы не это обстоятельство, то вряд ли бы заметила полоску бумаги и не сидела после со страхом, взирая на содержание.

Машина давно прогрелась, голос из динамиков сообщал о том, как «упоительны в России вечера», а молодая женщина сидела, как замороженная, и, казалось, не дышала. Все ее мысли кружили вокруг странного послания. Что это: глупая шутка, кто-то ошибся? Может, это предназначается не ей? И все могло бы быть именно так, если бы не одно «но» – в конце записки было написано: «Испугалась, Рыж? Номер 2»

Без малейшего понятия, что все это означает, и, испытывая безотчетный страх, Василиса скомкала послание от неизвестного и, опустив стекло, выбросила в сугроб. Посидев еще пару минут, женщина тронулась с места, последний раз взглянув на белоснежный клочок, грозно освещаемый лунным светом. Клочок, близнец которого она выбросила этим утром.

Глава 4

Едва дверь за Иваном закрылась, Александра включила старенький ноутбук, взглянула на фотографию с шифром, любезно оставленную другом, и, взяв лист и цветные ручки приготовилась записывать свои мысли. Это был ее метод работы – рассуждения на бумаге. Акценты создавали цветные чернила. Факты чаще всего она записывала оттенками зеленого. Каждому оттенку соответствовала своя степень уверенности: неоспоримый факт обретал сочный зеленый цвет, факт, требующий дополнительной проверки – салатный, а интуитивно ложный становился цветом зеленого чая. Имена, названия так же имели свои оттенки. К примеру, женские чаще всего становились янтарными или тыквенными, а мужские – медными или ванильными. Акценты создавались на отдельных словах, числах, приметах преступника, на индивидуальных чертах свидетелей и потерпевших. Именно по этой причине она предпочитала работать или дома, или в кабинете своего агентства. Лишь здесь имелась столь широкая цветовая палитра, а без нее она не чувствовала спокойствия. Когда приходилось работать на иных условиях, Селиверстова нервничала, ведь ей приходилось спешно заменять оттенки своей личной иерархии на имеющиеся.

Необходимо заметить, что цвет в жизни Александры вообще играл одну из главных ролей. Он поднимал настроение, вдохновлял, успокаивал, помогал сосредоточиться, согревал, но мог и напугать. Ее эмоциональное состояние полностью отражалось на цветовых предпочтениях. И касалось это не только расследований, но и в целом ее жизни. У нее, к слову, даже носки – ее тайная страсть – обладали широкой цветовой палитрой. Например, ощущая раздражение, Александра надевала носки цвета хаки или темно-оливкового, а злясь, предпочитала выбирать между терракотой и жженой умброй.

Селиверстова начала с так называемого шифра Цезаря – одного из самых древних и не слишком сложных для расшифровки. Принцип его работы был прост: использовался сдвиг буквы алфавита на фиксированное число позиций. Например, сдвиг на два превращал букву «а» в букву «в», при этом знаки препинания и цифры оставались без изменений. Количество сдвигов равнялось количеству букв алфавита, таким образом шифр получался циклическим и можно было просчитать все возможные варианты. Так, словосочетание «Добрый день» со сдвигом всего на одну букву преобразовывалось в «Епвськ ееоэ». Однако «У№ее<ыkihy:ie81k17ы-i51,31vy1№ара7ку:ika8ex№ый[1k1в.» не подходил ни под один из тридцати трех позиций. Во-первых, было совершенно непонятно значение цифр, а во-вторых, путаницу создавали двоеточие, квадратная скобка и знаки номера и уменьшения.

Это какая-то завуалированная математическая формула? Жертва или сам преступник связаны с точной наукой?

Селиверстова неоновым-желтым цветом выделила первое предположение и взялась за следующую расшифровку. Линейный шифр Хилла, основанный на линейной алгебре не подошел из-за тех же цифр и знаков. То же последовало и при подстановке с помощью шифровки Атбаш.

A1Z26 дала хоть что-то мало-мальски понятное: «81k17ыi5» преобразовалось в «undefined», что переводится как «не определено».

Что не определено? Что ты хотел донести до нас этим посланием?

Александра вспомнила о недавно купленной плитке шоколада, с улыбкой разорвала обертку и, жадно вонзившись в пористые кубики, продолжила разбираться с шифром.

А что, если использовать одновременно и английский и русский алфавит?

Но к ее огорчению, это не принесло ожидаемых результатов: снова ни одна из расшифровок не подошла. Селиверстова взяла новый лист, убрала цифры и знаки, предположив, что, возможно, к имеющимся буквам надо добавить недостающие и получилось следующее: Уыкіһыіеқыіуаракыіаехыйкв.

Вздыхнув, принялась рассуждать: *«Итак, попробую разделить этот... текст на части: русские буквы отдельно, английские отдельно. Получаю: «уыыыыярааехыйв» и «kіhіkіvуkуіkk».* И что мне это дает? Какие буквы тут могут быть пропущены?! Как найти ключ?!»

Она еще раз подставила уже новые значения в шифр Цезаря в надежде на изменения. Увы. Прделав те же манипуляции с остальными способами шифровки и, не добившись ровным счетом ничего, вернулась к попытке подстановки букв.

Спустя полтора часа мучений, трех выпитых кружек чая и съеденной плитки шоколада, Селиверстова отложила записи, понимая, что ей необходимо переключиться, и решила посмотреть на дело с шифром с другой стороны – со стороны свидетельских показаний.

Бык и дьявол – могут ли они подсказать мотив преступления, личность преступника или хоть как-то объяснить послание?

Насколько она знала, в сфере искусства дьявола чаще всего изображали рептилией или козлоподобным существом, как это, например, было с Мефистофелем. Так же козел считался одним из символов сатаны. Что касается перевоплощения в быка, то тут немаловажную роль сыграло телевидение.

Так о чем говорит маска? Преступник любит ужасы? Не знаком с мифологией?

Рингтон телефона заставил отвлечься. Хмурясь, она ответила:

– Селиверстова.

– Я уже освободился. Идем в пекарню?

Голос звонившего она прекрасно знала, и он принадлежал Дмитрию Соколову – частному детективу, работавшему на Главное управление по расследованию особо важных дел. Их знакомство состоялось чуть больше месяца назад во время ведения дела, связанного с маньяком по прозвищу «Собиратель». С тех пор каждый вторник они ходили в пекарню, а по субботам проводили время у него дома и чаще всего занимались тем, что мерились интеллектом. Занятие не самое романтическое, зато крайне эмоциональное.

– Я все еще тут и жду ответа.

– Дим, я занята.

– Могу помочь?

Селиверстова взяла в руки снимок:

– Зачем преступнику надевать на лицо маску дьявола-быка?

– Чтобы скрыть лицо.

– Гениально. Еще версии будут?

– А чем тебя моя не устраивает?

Она практически видела эту его самодовольную ухмылку и легко представляла смешинки в глазах. Они скакали туда-сюда, сообщая окружающим, что перед ними настоящий остряк.

– Это все, над чем тебе предстоит подумать или есть более сложные задачи?

Его голос не просто раздражал – бесил.

– Неизвестный шифр, – сухо произнесла Селиверстова.

– И гениальная Александра не в силах его разгадать?

– Гениальная Александра его безусловно разгадает, а теперь ей пора идти.

– Я завезу тебе парочку эклеров. Сахар для мозга просто необходим, – смешок.

Отключив связь, Селиверстова почувствовала, что готова убить Дмитрия за издевки и еще ей очень хотелось его... расцеловать – отношение к этому «крутому» детективу, как она поначалу иронично называла Соколова, было для нее самой непонятным, а вот мысль об эклерах известную сладкоежку приятно согревала. Она улыбнулась, затем удрученно взглянула на так и непонятое послание и вернулась к ноутбуку – читать основы криптологии.

Тем временем Иван рассматривал новую жертву.

– Ты опоздал, – хмуро произнес Рукавица, указал в сторону трупа и направился к какой-то старушке. Та сжимала в объятиях то ли крысу, то ли собаку.

– Труп замерзший, но это уже не гипотермия, – сообщил судмедэксперт, – смерть наступила от удушья.

Резников внимательно рассматривал лицо убитой: большой нос, квадратная челюсть, зеленые глаза. Внешней схожести с предыдущей жертвой не было. Никаких.

– Той девушке было не больше двадцати, – продолжил Павел, – здесь же перед нами зрелая женщина. Если бы не условия, в которых ее обнаружили и не показания свидетельницы... – замялся, – ладно, мое дело установить причину и время смерти, – он махнул рукой в сторону горки с одеждой, – Владимир Андреевич просил хорошенько все просмотреть. Он уверен, что преступник снова что-нибудь нам оставил.

Не сомневаясь в этом, Иван отошел от полузарытого в снегу трупа, сел на корточки, надел перчатки и принялся тщательно перебирать вещи: полушубок, вязаный шарф, меховая шапка, юбка, блузка, колготки, сапоги на сплошной подошве. Потер лицо – снова ничего схожего с предыдущим случаем: совершенно разные вещи, за исключением красного шарфа. Но это может быть и совпадением, хотя Пуля бы сказала, что в такие совпадения не верит. Он подумал, что она бы без труда определила оттенок. Это у него цвета делились на обычные «радужные», а так же черный, белый и коричневый, а у нее все обстояло значительно серьезнее и то, что сейчас для него было красным могло оказаться каким-нибудь оттенком неспелой вишни. Резников решил обязательно показать фотографию Селиверстовой, щелкнул мобильником и продолжил обследовать одежду жертвы.

Как он и думал: документов не было, а в нагрудном кармашке блузки покоилось новое послание. Надежда на то, что эта записка как-то поможет разобраться с предыдущей растаяла так же моментально, как снежинка, упавшая на теплую ладонь, стоило криминалисту пройтись по содержанию:

«Z№e71<ihak7zeey<i8a3ь,№117ы...1№I7rapaki,x31peke
№ыеукара,raryr1шpипa7ky:iki8ex№ый[1k1в.3arie:eukapa.»

Иван чертыхнулся про себя, убрал бумажку в портфель и тут заметил глянцевого уголок, торчащий из-под снега. А ведь из-за своей невнимательности он мог его упустить! Снова чертыхнулся и стал пальцами раскапывать находку. Фото – еще одна подсказка от убийцы. Про себя криминалист подумал, что с такими посланиями они будут искать преступника столетие, а то и больше. Неизвестный играл с полицией в какую-то игру и однозначно на шаг опережал. Ну вот что означает снимок с лисицей?! У Резникова не было ни единой идеи.

Раздосадованный Иван еще раз проверил вещи и поднялся, потирая затекшие ноги. В надежде обнаружить улики, прошелся несколько раз по периметру, но как назло следов была уйма и найти среди них те, что могли принадлежать убийце, не представляло возможности, зато к всеобщей удаче следы шин имелись в едином экземпляре и вели к дороге в сторону гипермаркета «Карусель». К дороге, усеянной камерами.

Глава 5

«Испугалась, Рыж?»

Эти слова преследовали ее всю дорогу, а едва Василиса оказалась в квартире – тяжким грузом обрушились на плечи. Необъяснимое чувство страха змеиными кольцами обвивало изнутри, заставляя вспомнить один страшный момент из детства. Момент, о котором она никогда никому не рассказывала. Даже маме.

Ей было одиннадцать, и она возвращалась со школы, когда тот человек вышел из машины и направился к ней. Он представился другом отца, протянул руку и сказал: «Пойдем со мной, Рыж, увидишься с папой».

Если бы маленькой Василисе мама утром не сказала, что папа вернется не раньше, чем через месяц, то человек вполне мог бы увезти ее с собой. Позднее она много раз думала о том дне – о том, что могло случиться, и зачем она могла понадобиться человеку, назвавшему ее Рыж. Впечатлительная девочка представляла того невысокого дядю с доброй улыбкой людоедом. По ночам он пробирался к ней в сон и пытался укусить. Это уже позднее Василиса поняла, что людоедов не существует, но страх перед образом того человека не пропал еще долгие годы.

«Конечно, это не мог быть он, хотя бы потому, что это... это глупо», – так она рассуждала, пока размешивала тесто для блинов, – *но почему Рыж? Хотя, с другой стороны это было моим прозвищем в старшей школе, и папа меня частенько так называл. Тогда почему мне так страшно?»*

Глядя, как пар исходит от растопленного масла, женщина больше всего на свете хотела, чтобы муж сейчас оказался рядом: поскорее приехал, обнял. Защитил от пока еще необъяснимой и, возможно, даже выдуманной тревоги, ведь если подумать, записка могла попасть к ней случайно, а такое обращение подходило любой девушке – любой рыжей. А если так, то почему у нее так бешено колотится сердце?

«Василисочка, ты слишком впечатлительная», – часто говорила ее мама.

«Василек, ты как ребенок», – повторял муж, имея ввиду тоже самое.

Перевернув блинчик в воздухе так же искусно, как это проделывали повара по телевизору, она взглянула на стрелки настенных часов: время медлило и было вязким как кисель – до приезда мужа оставалось четыре часа, другими словами, вечность. Василиса вздохнула, переложила на плоскую тарелку очередной блин, зевнула, подумав о том, что мама наверно уже спит, и тут вспомнила, что забыла написать смс!

Мама, наверно, с ума сходит!

Быстро набрав номер, она написала, что жива-здорова, затем еще одно сообщение с извинением и последнее с пожеланием спокойной ночи и только после этого со спокойной душой отложила телефон, попутно переворачивая новый блинчик.

Когда стопка с кружевными красавцами достигла цифры в тридцать, Василиса, улыбаясь, выключила плиту и направилась к шкафчику с консервацией. Здесь хранились «вкуснющие вкусоности», как называли домашнее варенье ее коллеги. Варенье по маминым рецептам. Три полки пол-литровых банок со смешными названиями: «Бодрый апельсин» с имбирем; «Я – королева!» из лепестков чайной розы; «Сеньор Помидор» – тандем черри и лимона; «Игривая вишенка» с ванилью, ромом и пометкой «строго для взрослых!»; «Летние денечки» из арбузных корок; «Рыженькая» – морковь с кардамоном; «Каша-Малаша» из кабачка, тыквы и апельсина. Такое разнообразие каждый раз ставило ее мужа в тупик, и чаще всего ко столу он возвращался сразу с несколькими вариантами, тогда как сама Василиса всегда знала, чего именно хочет.

Она выбрала «Бодрый апельсин» и вернулась на кухню, рассуждая, что ее фигуре пара ложек варенья пусть и навредит, но отказать зарождающейся в ней жизни было бы преступлением. Ребенок требовал сладкого. Василиса решила, что ждет девочку, раз ее так отчаянно потянуло на варенье. Ночью. Раньше она за собой подобного не замечала, но, подумав о муже-сладкоежке, усомнилась. Так вся в сомнениях и непреодолимом желании съесть да побольше чего-нибудь этакого, она открутила крышку и на мгновение замерла, вдыхая пряный цитрусовый аромат. Взяла ложку, зачерпнула не жалея и, сморщившись от одного взгляда на тягучую субстанцию, бросила на стол. Мальчик или девочка, кто бы внутри не сидел, передумал и теперь требовал огурец. С горчицей. Улыбка скользнула по нежно-розовым губам, не признающим никаких помад, рука потянулась к дверце холодильника, и в эту минуту женщина была счастлива лишь от того, что вожденная банка оказалась на месте пускай и наполовину пустая. Наконец, опустошив упаковку свежих огурцов и подсчитав, что из их количества вполне можно было приготовить салат на пять персон, Василиса легла прямо на кухонном диванчике и заснула, отпустив все свои переживания.

Она спала, свернувшись клубочком: волосы багряными волнами струились по подушке. Сон, всегда наполненный яркими красками, уводил в осенний лес. Золотые листья кружились в медленном танце, Василиса в вечернем шелковом платье цвета воронового крыла шла по выложенной зеленой плиткой дорожке. Такой же зеленой, как пол на кухне у мамы. Вокруг была тишина и спокойствие, но всего за долю секунды картина резко переменялась: пушистые облака сменились грозными тучами и грозили пролиться ливнем. Листья заметались под порывами ветра, а она все шла вперед, сопротивляясь стихии до тех пор, пока за одной из берез не показался знакомый силуэт. Мама сидела за столом и пила чай с вафельным тортом. Василиса села напротив, но не успела взять предложенный кусочек, как за спиной прозвучал треск: «Испугалась, Рыж?»

Она обернулась и увидела того самого человека из детства. Он открыл невероятно большой рот и бросился на нее, замерев в миллиметре от испуганного лица. И в этот миг тихий голос произнес: «Все хорошо, не бойся». Последнее, что видела Василиса – это превращение листьев в огромные снежинки, и силуэт людоеда, растворяющийся в дали. А потом она открыла глаза.

– Это всего лишь сон.

Нежные объятия, долгий поцелуй и взгляд глаз, наполненный непоколебимой решимостью сделать все, чтобы ничего плохого не произошло.

– Лешка, это был кошмар, – Василиса уткнулась в мужскую грудь.

– И он прошел, – он улыбнулся и погладил ее по волосам.

– Ты давно вернулся?

– В пять, как и обещал.

– Так уже что, утро?

– Ты так удивляешься, словно этого не может быть.

Смех.

Василиса смущенно улыбнулась:

– Мне казалось, я только легла.

– Ну, не знаю, когда ты легла, зато знаю, что сейчас время десерта.

– Блины на столе, – она зевнула, – а варенье выбирай сам. Мне как-то не хочется.

– Ты хотела сказать *вам* не хочется, – он нежно провел рукой по животу.

– Так тебе какое принести?

– Я хочу Рыженькую. Только я не про варенье. Тебе же пока еще можно?

Она кивнула и направила руку мужа в область бикини.

Вот так лежать в объятиях супруга Василиса могла вечно. Лежать, вспоминая, как они познакомились, как он сделал предложение, смотреть, как он посапывает, подложив ладошку под правую щеку – ну точно младенец! И чувствовать себя самой счастливой на свете. На планете. Во вселенной. Когда руки любимого мужчины во сне погладили ее по спине, она улыбнулась, подумав о том, что любые страхи становятся ничтожными, когда рядом он – ее Лешка. В голове зазвучала знакомая с детства песня группы «Руки Вверх», и, сев на коленки и, обняв подушку, Василиса закачалась в такт мелодии.

– Танцы с утра? – с улыбкой поинтересовался муж, вынимая из-под подушки телефон и, заглядывая в ежедневник.

– Почему бы и нет? Потому что есть Але-е-ешка у-у-у меня-я-я-я!

– Василек, готовишь ты лучше, чем поешь. Прекрати, – смеясь, он убрал мобильник и заткнул уши.

Она сделала вид будто обиделась. Он подхватил игру и начал с трагическим лицом извиняться.

– Прощен, но в следующий раз...

– В следующий раз разбуди меня поцелуем, а не танцами с бубном.

– С подушкой, – засмеялась Василиса и накинула ему на голову одеяло.

– Ладно, поиграли и хватит, – высвобождаясь из пухового плена, и, закидывая жену на плечо, Алексей с боевым кличем: «Завтра-а-ак!», – ринулся на кухню.

– Что у нас? Мои любимые блинчики?

– А варенье...

– Выберу сам. Как у твоей мамы дела? Как отметили?

– Хорошо. Она осталась очень довольна и подарком, и тортом.

– Отлично. Потом финский шоколад привезу. Все, я на поиски клада.

И он ушел, пропав так надолго, будто действительно пытался найти сокровища. Эта его черта вот уже год умиляла Василису.

Размешивая чай, она рассказала ему о последнем заказе, который ей и самой был очень по душе: клиентка хотела оформить квартиру в стиле шебби-шик, другими словами, так же, как и у самой Василисы. У них даже цветовые вкусы совпадали, что значительно упрощало выполнение работы. Муж сообщил, что через два дня снова уезжает в командировку, на этот раз в Беларусь, и пообещал привезти ей все, что она пожелает.

– Привези мне аленький цветочек, – мечтательно произнесла Василиса.

– Хорошо, привезу тебе красную розу, сойдет?

Оба засмеялись.

После завтрака решили заняться уборкой – оба любили чистоту. Потом было решено прогуляться по парку и сходить в кино. Обязанности разделили: она вытирала пыль, он мыл пол, в другой комнате роли менялись. Набирая в ведро чистую воду, муж предложил приготовить на обед что-нибудь из мексиканской кухни. Василиса идею поддержала и сказала, что уже даже знает, что приготовит, но пока оставит свой выбор в секрете. Параллельно с уборкой они обменивались привычными семейными колкостями, и Василиса совершенно забыла обо всех тревогах. Когда муж помогал надеть пальто, она думала лишь о том, как они чудесно проведут время.

Снег игриво падал за воротник, ветер ласково и совсем не по-зимнему обдувал лицо, где-то вдали раздавались звонкие детские голоса, им вторил взрослый мужской бас, а за ним словно вдогонку переливчатый женский. Казалось, улыбка напрашивается сама собой, и Василиса не сопротивлялась: ямочка на правой щеке как будто застыла. Женщина взяла под руку мужа, чтобы не упасть на скользкой дороге, и оба направились в сторону парка, болтая о том о сем. Счастливая Василиса не заметила припаркованного возле соседней многоэтажки черного автомобиля и сидящего за рулем человека. Не заметила, как некто вышел из машины и направился

к ее подъезду. Ловя перчатками снежинки, и, смеясь над попытками супруга изобразить ежа-великана, молодая женщина не подозревала о скрытой в кармане незнакомца фотографии и еще не знала, кто **ИМЕННО** на ней изображен.

Глава 6

Криптологию – науку о шифрах, Александра изучала для собственного развития. Ей нравилось познавать новое. Нравилось разбираться во всем. Родители – и мать, и отец, с которыми у нее складывались достаточно непростые отношения – называли это занудством и ненужной тратой времени. Сама детектив считала очередным и совсем не лишним дополнением к личному багажу знаний.

Онлайн-страницы с теорией она просматривала, что называется, «наискосок», освежая память и, ощущая себя снова студенткой, поскольку выражения «предметом науки», «методы и способы» встречались еще на университетской скамье. В статьях так же напоминали о том, что существуют два простейших метода разгадки шифра: случайное угадывание с низкой вероятностью попадания в цель и перебор всех возможных вариантов – процедура трудоемкая и утомительная. Селиверстовой казалось, что она перебрала уже достаточно вариантов, и приходилось признать, что без ключа послание не разгадать. Еще был вариант использования специальных компьютерных программ, но насколько она знала, этим активно занимались специалисты и пока результатов не добились.

Спустя час Александра перешла от теории к практике. Разгадывая словосочетания, зашифрованные с помощью классических методов, а также шифра Тени, она все больше убеждалась в том, что упускает какую-то важную деталь. Детектив нахмурилась, поднесла фотографию максимально близко к лицу, отвела на расстояние вытянутой руки, взяла линейку, измерила длину послания. В древней Греции существовал шифр Сцитала. В его основе было чтение знаков с помощью наматывания полоски бумаги на определенный предмет. Главным было намотать бумагу так, чтобы ни одна буква или знак не перекрывали друг друга, составляя ровную надпись. И детектив задумалась.

Вариант дикий, фото искажает истинный размер, но что, если преступник использовал в виде ключа длину бумаги или самого текста? Попробуем так.

Переписала шифр с фотографии, стараясь, чтобы тот был идентичен шифру на снимке и точно так же отступила примерно по 2,5 мм от края листа с одной стороны и с другой. Повторила размер знаков.

Длина полоски – 8 см, самого послания – 7,5. Что это дает? В шифре Сцитала учитывался определенный угол и диаметр предмета, на который наматывалась полоска с текстом, а что здесь? Нужно использовать также какой-то предмет? Но какой? Хорошо. А что, если никаких дополнительных инструментов не используется, а нужно, к примеру, вычитать число знаков равное длине бумаги?

Селиверстова разделила лист на четыре части и написала: сложение, вычитание, умножение, деление. Провела нужные подсчеты и, все больше хмурясь, уставилась на полученные записи – понятнее не становилось. Совсем.

Ерунда какая-то!

Но верная спутница по имени Интуиция подсказывала, что разгадка совсем близко, рядом – стоит только посмотреть с иного ракурса.

Звонок в квартиру не вызвал никаких эмоций. Открывая дверь, Александра думала лишь о непонятном послании, и поэтому, когда на пороге увидела Соколова, никак не отреагировала.

– И я рад тебя видеть. Кстати, я ненадолго, – мужчина прошел мимо нее напрямиком на кухню. Через минуту в вазе стояли ароматные бежевые розы, на столе – упаковка с пирожными. В четырех прозрачных окошках «сидели» эклеры с шапочками из яркой глазури.

– Я взял каждого вида по одному. Красный...

– Малиновый, – машинально поправила Селиверстова.

– Красный, – упрямо повторил тот, – с клубничным джемом. Оранжевый с апельсиновым кремом. Белый с ванилью, коричневый с «нутеллой».

– Я буду первый.

Он открыл коробку и протянул пирожное. Александра взяла угощение и вонзилась зубами в яркую шапочку.

Соколов ухмыльнулся и спросил:

– Гениальный детектив разгадала шифр?

Ей захотелось взять тряпку и вымыть смешинки из его глаз. Невероятно голубых глаз. Красивых.

– Или нет? – теперь он улыбался открыто, обнажив зубы.

Не отвечая, Александра ушла в комнату, а вернувшись, ткнула бумагой ему в нос.

– Тише, тише, что тут у тебя? Ага, действительно довольно странный шифр. Я такой не встречал.

– И что? Детектив, работающий на само Управление, не может разгадать загадку?

– Не так быстро. Мне вообще не приходилось работать с шифрами. Это в компетенции иных специалистов, тебе так не кажется?

Она промолчала.

Соколов еще раз внимательно посмотрел на послание, потер лоб, что-то подсчитал в уме, поднялся и направился в комнату. Там сел за компьютер, взглянул на клавиатуру, повернулся к Селиверстовой:

– Ты пробовала просто ввести данные в «Гугл»?

– За идиотку меня держишь?

– Нет, опять сболтнул лишнего.

– Ты это можешь, – она вздохнула, вспоминая, что именно он сболтнул лишнего тогда, во время дела с Собирателем.

– Все еще сердись за тот случай? – он взял ее за руку.

В последнее время этот жест очень часто перетекал в более интимные вещи, и, не дожидаясь дальнейших действий, ответила:

– Не время, – высвободила ладонь.

Он тоже вздохнул:

– Вообще я имел ввиду другое. Ясно, что расшифровку поисковик не выдаст, но мне кажется, что послание может быть как-то связано с расположением букв на клавиатуре. В общем, мне кажется, ты снова все усложняешь. Попробуй представить не гениального шифровальщика, а простого человека, придумавшего свою собственную игру.

– Хочешь сказать, что он придумал шифр? – Александра задумалась.

Вместо ответа Соколов поинтересовался:

– Сколько систем шифрования ты уже испробовала?

– Точно не скажу.

– Тогда что тебе мешает испробовать мою версию? Ладно, пойду, все равно рассчитывать мне больше не на что, да и дела ждут. Удачи, – поцеловал ее, не дождался ответной реакции и пошел к выходу. У двери обернулся и попросил: – Если сегодня разгадаешь этот чертов текст, позвони, приеду. Ночь обещает быть холодной.

Она поняла его намек, но также понимала и то, что если разгадает послание, то обязательно позвонит Бризу, и в таком случае Соколов рядом будет... лишним. В конце концов к холодным ночам ей не привыкать и ответила:

– В другой раз.

Дверь закрылась, оставив Александру наедине с головоломкой. Было неприятно осознавать, но в нелогичной, на первый взгляд, идее Соколова был смысл. Она выписала на отдельном листе шифр и начала сверку.

«У№ее<ыкйы:ie81k17ыi51,31vy1№ара7ку:ика8ех№ый[1k1в.» *Что, если первая буква остается без изменения? Тогда послание начинается с буквы «У». Далее «№» может означать цифру «три», «ее» могут быть двумя «т», получается «УЗтт», пока не ясно, продолжим. Знак «меньше» возьмем за букву «б», «ы» остается.*

Она посмотрела на полученную запись и удовлетворенно обвела неоново-желтым цветом: «бы».

Уже что-то. Английская «k» может быть буквой «л», «i» – это «и», «h» – «р», снова «ы», двоеточие – это «шесть», повторение «и», «т».

Выписала ниже: лшрыбшт.

Снова какая-то чушь. Ладно. «8» – это «»? Вряд ли, оставим как есть. «1» – «!», снова «л», «!», «7» оставляем, опять «ы», «и», «5», «!». Нет, яснее не становится, но продолжим. Запятая, тройка, восклицательный, «v» как «м», «y» остается, восклицательный, цифра «три».*

Посмотрела на результат, нахмурилась.

Я разгадаю этот дурацкий шифр, не отступлю – не дождется. «А» оставим, «р» – это может быть «з»; снова «а»; семерка; «л»; «y»; двоеточие – «ж»; «и»; «л»; «а»; восьмерка; «е»; «икс» оставляем как «х»; тройка; «ы»; «й» оставляем, квадратная скобка – это снова «х»? Допустим. Далее восклицательный, «л», восклицательный, «в» остается. Итог.

Она вздохнула и на треть листа вывела:

УЗтгбылшрыбшт8!л!7ыш5!,3!му!Заза7лужшлф8ех3ыйх!л!в

Ниже выписала:

Был, ры, ыш, му, аза, луж, ех, ый.

И тут случилось то, чего не происходило уже давно – захотелось материться. Очень. Но Александра, имея за плечами бунтарские школьные годы, дала себе обещание заменять любое сквернословие словами «черт», «дьявольская муть». И поэтому сейчас по квартире разносилось громогласное:

– Черт! Дьявольская муть! Черт!

В такие моменты успокаивали сладости, и детектив отправилась на кухню: пожевать, а заодно размять задеревеневшие мышцы спины. А еще ей необходимо было ненадолго отвлечься. Она открыла шкафчик, где хранились всевозможные разновидности чая, и долго выбирала между жестяными банками. Наконец взгляд остановился на упаковке с шиповником и яблоком.

Ожидая, пока пузатый чайник «пригласит» к столу, Селиверстова то и дело смотрела на экран. Тишина, а значит либо в отделе по-прежнему ломали голову над посланием, либо были заняты совсем другими делами.

Она выбрала эклер с шоколадом, налила кипятка в любимую кружку с изображением космоса, закрыла глаза, наслаждаясь ароматами, пока тепло, исходящее из «космических недр» приятно согревало руки. Детектив улыбалась. Мысли, подобно маленьким птичкам, разлетелись в неведомые дали – Селиверстова почти медитировала. Неделю назад она узнала, что подобный способ помогает очистить мозг от всего лишнего. Помогает сосредоточиться и взглянуть на привычные вещи иным взглядом. Ей это сейчас было так же необходимо, как шум цивилизации заплутавшему в лесу. Но рингтон мобильного вдребезги разрушил атмосферу «тихого поиска» – как она сама назвала подобное состояние – разлетевшись во тьме тысячей осколков. Александра разомкнула ресницы и бросила взгляд на экран. Бриз!

– Что там с трупом?

– Привет, Пуля. Женщина примерно тридцати пяти лет. Умерла от удушья. Преступник снова оставил шифр. Сейчас вышлю фото. Признаться, без твоей помощи нам сейчас никак.

Приятные слова. Детектив никогда не сомневалась в своей незаменимости.

– Во всем отделении отключили электричество, – продолжил Иван, – сама понимаешь: ни факс, ни электронную почту получить не можем, да и спецы пока молчат. Так что мы нуждаемся в твоём особом мышлении. Как, кстати, дела с расшифровкой?

– Вяло, но я разберусь.

– Надеюсь.

– Сомневаешься?

– Нет, но расследование пока стоит на месте.

– Неужели совсем ничего?

Криминалист вздохнул:

– Помимо шифра этот псих оставил фото с лисой.

– Я не ослышалась?

– Нет, лично я ничего не понимаю. Жертвы совершенно разные. Личности ещё устанавливают, но мне кажется между ними нет взаимосвязи. Больше похоже на случайные жертвы, а это, как ты сама понимаешь, самый тяжёлый случай. Помимо того, что у нас серийный убийца, так ещё и неизвестно, кто следующий станет трупом. А свидетель снова говорит о маске дьявола-быка, так что полный абзац. Кстати, насчёт дальтонизма ты была права.

– Фото с лисой... – протянула Селиверстова, – Бриз, какого цвета волосы убитой женщины?

– Черные.

– А у первой?

– Рыжие.

– Надо подумать.

– Начальство вызывает. Будут новости – сообщу. И ещё, Пуля, посмотри новый шифр. Может он как-то поможет.

– Фото с лисой вышли.

А про себя подумала: *«Лисица может быть ключом».*

Глава 7

В кинотеатре не было ни одного интересного фильма, и слегка разочарованные супруги возвращались домой. В добавок к этому в магазине не оказалось необходимой мексиканской приправы, и в итоге Василиса совсем приуныла. Заметив её подавленное настроение, Алексей начал рассказывать анекдоты. Не помогло. Тогда он сделал то, что выручало всегда – преградил дорогу и с серьёзным лицом заявил:

– Сейчас мы зайдем в квартиру. Ты, Василек, наденешь свое самое красивое платье, сделаешь причёску, мы сядем в машину и поедem развлекаться в центр: на Невском мы точно найдем что-нибудь зрелищное. А теперь, – он подмигнул и бросился в сторону подъезда, – кто первый, тому не надо надевать костюм и галстук!

Василиса засмеялась. Он всегда её опережал. По-прежнему смеясь, она чуть не врезалась в мужа, когда тот рассматривал что-то у входной двери.

– Лешка, у нас ничья! А это значит тебе придется надеть костюм и галстук! Ну что ты замер? Что там у тебя? – она заглянула ему за плечо и тут же отскочила в сторону.

– Василек, ты знаешь, что это за ерунда?

– Н-н-нет, – она обхватила себя руками, – мне это не нравится.

– Лисица какая-то. А чего ты перепугалась?

– Лешка, мне кажется это не просто лисица, – она шагнула вперед и уткнулась в его плечо, – в школе меня обзывали лисицей.

– Ну и что? Кто-то из одноклассников решил пошутить? Ты ведь не будешь обижаться – уже не маленькая.

– Никто из одноклассников не знает, где я живу. Мы не общаемся с последнего звонка.
И... Лешка, мне вчера какую-то странную записку в почтовый ящик бросили.

Мужчина нахмурился:

– Зайдем – расскажешь.

Слушая рассказ жены, он все больше хмурился:

– Говоришь, даже к маме пришла такая записка?

– Да, я сначала думала, что это какая-то ошибка. Мало ли рыжих вокруг? Но теперь...

– Многовато совпадений, – согласился Алексей, – покажи, что там прислали.

– Говорю же, выбросила.

– Обе?

Василиса кивнула.

– В общем и в целом твой рассказ странный, но поводов обращаться в полицию нет. Я завтра попробую выпросить у консьержа записи с камеры.

– Лешка! Ты гений! У подъезда же камера висит! А я забыла.

– Висит, и мы без труда выясним, кто это развлекается.

– Хорошо. Лешка, а разве такой текст, как «Испугалась Рыж?» не считается угрозой.

– Думаю, нет. Зная нашу полицию, рискну предположить, что они это воспримут как чей-то розыгрыш. Ты уверена, что это не может быть кто-то из твоих знакомых?

Василиса задумалась. От напряжения сжала пальцы до такой степени, что те покраснели, и потом, глубоко выдохнув, ответила:

– Ни с кем из школы я не общаюсь, а в институте меня лисицей никто не называл. На работе о прозвище не знают.

– А Рыж?

Она замялась и как-то неуверенно произнесла:

– Был в школе один парень: странный с длинными и кажется синими волосами.

– Синими?

– Ну да. Ходили слухи, будто... будто он по мне сохнет, ну и...

– И что?

– Однажды он подошел ко мне в коридоре и сказал что-то наподобие «Рыж, ты должна быть моей...» или «Рыж, я хочу быть с тобой». Я точно не помню. Сказал и убежал.

– И он знает, где ты живешь?

– Он сын маминой соседки. Думаю, да. Мама же любит рассказывать соседям, как я живу и что делаю. Она мной гордится.

Мужчина вздохнул. Василиса погладила мужа по щеке:

– Столько лет прошло, не может же он до сих пор сходить по мне с ума?

– Психи остаются психами на всю жизнь, – Алексей убрал ее руку, поднялся, подошел к окну. С минуту стоял молча, затем произнес:

– Начнем с камеры, но, если это твой ухажер, я с ним повидаюсь.

– Лешка... – Василиса подошла к супругу и уткнулась ему в грудь, – и где ты только слово такое взял... «ухажер»? – ее лицо озарила улыбка, а в глазах заплясали огоньки, – мне приятно, что ты по-прежнему ревнуешь. Мы женаты уже год и...

– Я все так же сильно тебя люблю, Василек. И ухажер у тебя один – это я, запомни. Никаких влюбленных парней из прошлого быть не должно.

– А я-то тут при чем? Я ни при чем, – она игриво подняла бровь, а про себя подумала, что некто, влюбленный со времен школы, пусть и псих – это безумно романтично.

Из блога Eu1h24

Осы меня привлекали с детства. Эти членистоногие перепончатокрылые создания в черно-желтую полоску всегда вызывали в душе трепет. В них было что-то такое, что нас

объединяло. Я чувствовал родство. Когда мне было пять, мама спросила, кем я хочу быть, и я ответил – буду самой большой и могущественной осой. Буду королем всех ос. Мама посмеялась, а отец воспринял мое заявление серьезно. Я помню, он купил мне большую книгу, где рассказывалось об осах. Это был один из лучших подарков за всю мою жизнь.

Я узнал, что размеры ос варьируются от полутора до десяти сантиметров, что бывают осы без крыльев. Бедные! Я себя всегда представлял с огромными крыльями, с такими мощными, чтобы создавать вихрь. Брюшко осы веретенообразной или бочкообразной формы, а благодаря сложному строению глаз, они способны видеть сразу в нескольких направлениях. А о том, что при построении гнезда оса измеряет размер ячеек с помощью усиков, вы знали? Или о том, что благодаря своей, скажем так, талши, они способны складывать тело почти пополам, чтобы жалить практически под любым углом? А сколько существует разновидностей ос! Одиннадцать! А то и больше! Бывают осы бумажные, дорожные, шершни, настоящие, «блестянки», «немки», песочные, сфециды, сколи, тифши, цветочные!

Я вот думаю: а к какому типу относятся осы в моем мозгу? Я не нашел их в классической классификации, значит они универсальны. Они мои собственные. Да, иначе и быть не может.

Снова болит голова. Мои маленькие ледяные друзья требуют действий, но я так устал. Я попробую с ними договориться. Последнюю жертву мы задушили. Вместе. Они говорили мне куда и с какой силой давить. Женищина не мучилась – умерла быстро. Это и к лучшему. Ее жизнь была скучна и однообразна: ни правильного питания, ни семьи, ни работы. Ее уволили в прошлом месяце. Она была в депрессии и сама мне рассказала. Можно сказать, что я стал ее спасением. Убил не я – убила жизнь, лишив ее единственной радости. И холод.

Я оставил послание и еще лису. Она должна понять и испугаться. Да, иначе и быть не может. Я на это рассчитываю.

Нравится: 5

Не нравится: 1

Глава 8

На записи с дорожной камеры наблюдения обнаружили нужную машину. Черная «школа октавия» остановилась возле гипермаркета «Карусель». Из автомобиля вышел мужчина в безразмерной черной куртке с меховым капюшоном. На его руках были черные перчатки. На ногах ботинки 43-45 размера. Зайдя в магазин, он тут же затерялся в толпе среди таких же мрачно одетых покупателей, но, настойчиво всматриваясь в мелькающие изображения, его все-таки смогли засечь возле прилавка со специями. Далее подошла какая-то грузная женщина, и подозреваемый вновь пропал. Его еще раз засекли возле кассы номер 9, но и там не было возможности разглядеть лица. Субъект все время стоял с низко опущенной головой. Трудности добавлял и огромный капюшон, парашютом сидящий на голове. Сделав покупку и, оплатив ее наличными, подозреваемый направился в сторону выхода. Двое сотрудников полиции преградили ему дорогу и по их же словам, не успели вовремя среагировать, когда тот бросился бежать. Догнать тоже не догнали, утверждая, будто тот растворился в воздухе. В воздухе, но на машине.

«Полный бред», – думал Иван и чем больше он анализировал события последних дней, тем больше убеждался – у преступника есть сообщник. Более того, скорее всего он среди полицейских. Растворился в воздухе? Не догнали? И в это он должен был поверить? И почему начальство сидит на месте? Или на вершине снова продажный тип? Верить в это не хотелось. С лихвой хватило прошлого начальника. К тому же Рукавица ему нравился.

Возвращаясь из кафе, где он наспех перекусил мясным салатом, Резников задавался вопросом: «Чего еще ожидать от маньяка? Какой следующий шаг?» И подсознательно боялся того, что будет еще один труп и еще один шифр – очередная подсказка, которая не подсказывала ровным счетом ничего.

Он заметил, что в отделе царит тревожное мельтешение: сотрудники, не имея возможности использовать служебные телефоны, совершали звонки с мобильных устройств, матерились и снова набирали номера.

«Еще и журналюги откуда-то узнали о появлении серийного убийцы...» – Иван вздохнул, проходя к своему столу.

В интернете слишком быстро появился пугающий заголовок:

«Дерзкий маньяк ищет новую жертву!»

И всего через час сменился новым:

«Маньяк в маске дьявола-быка выжидает, чтобы нанести новый удар!»

Резников понимал, что дела обстоят хуже некуда. Глядя, как быстро пользователи всемирной сети по кусочкам растаскивают сплетни, становилось очевидно – скоро в Красносельском районе начнется паника.

Хорошего среди царившего хаоса было мало. Благодаря последней свидетельнице удалось установить личность второй жертвы. Ею оказалась тридцатипятилетняя Кравцова Оксана Игоревна, продавец-консультант в магазине одежды ручной работы «Сокровищница». В прошлом месяце была уволена из-за личных трений с руководством. Жила одна, не замужем, детей нет. Из родственников осталась только двоюродная сестра, проживающая в Волгограде. Свидетельница сообщила, что частенько навещалась в «Сокровищницу», где покупала эксклюзивные вещи в подарок знакомым. Там же и подружилась с консультантом Оксаной. В двух словах охарактеризовала ее, как «меланхоличную мечтательницу». Почему та оказалась в этом районе и куда направлялась, свидетельница не знала, но предположила, что она могла заехать к подруге. Возможно, они вместе собирались в новую пиццерию, где каждому, предоставившему листовку, маленькая пицца доставалась бесплатно.

Такая версия подходила и по результатам судмедэкспертизы: Павел обнаружил во рту жертвы ту самую листовку. Но в пиццерии женщину не видели. Снова тупик. Других сведений не было.

Единственным человеком, кто считал, что все не так плохо была Александра Селиверстова. Радуюсь, что неделя заканчивается, а новых клиентов в агентстве не предвидится, она могла с чистой совестью с утра до ночи разбираться не только с шифром, теперь уже в количестве двух вариантов, но и с остальными не менее загадочными уликами.

На кухонном столе между полупустой упаковкой пирожных и тарелкой с бутербродами лежали распечатанные снимки. На первом – лиса, на втором и третьем – шарф. У одной жертвы он был терракотового цвета, у другой – кирпичного. Селиверстова не сомневалась – это не совпадение. Убийца выбирал своих жертв не случайно. Причину она пока не понимала, но была уверена, что цвет шарфа сыграл в выборе не последнюю роль. Что касалось лисицы... Она тоже была дана явно с какой-то целью.

Детектив заглавными буквами вывела на листе:

ЛИСИЦА – РЫЖАЯ

ЦВЕТ КРАСНЫЙ.

РЫЖИЙ=КРАСНЫЙ?

И начала размышления:

Маньяк испытывает тягу к определенному цвету и поэтому убивает своих жертв. Возможен ли такой вариант? Вполне, если предположить, что он психически не здоров, но это пока ничем не подтверждается. История знает великое множество случаев, когда вполне адекватные личности совершали зверские преступления. Возьмем того же известного всем Чикатило, обвиненного в убийствах, расчленении, канибализме и признанного судом вменяемым. Или Ирину Гайдамачук, прозванную «сатаной в юбке» – жену и мать двоих детей, убивающую пенсионеров и обкрадывающую их же с целью пополнения бюджета. В суде она при-

зналась, что деньги по большей части ей были необходимы на покупку алкоголя. Доказано, что она прекрасно осознавала все свои действия.

Так кто же перед нами: неуравновешенный тип или адекватный жестокий убийца?

Проработав пять лет следователем, Селиверстова успела повстречаться и с одним, и с другим типажом и прекрасно знала, что в жестокости эти преступники друг другу не уступали. Другое дело, что сейчас перед ней был человек с высоким интеллектом, возможно даже выдающимся. Все эти шифры и подсказки выдавали в преступнике стремление выделиться. Стремление к превосходству. Сложность заключалась в том, что такие характеристики были свойственны как психам, так и нормальным людям с заниженной самооценкой. И получалось, никак не помогало выявлению личности преступника.

Александра поочередно взглянула на снимки и вернулась к шифру.

Безусловно, каждая из подсказок заслуживает пристального внимания, но именно с шифра все и началось. Он был первым фрагментом той мозаики, что мне пока никак не удается сложить, а значит его разгадка, скорее всего приоткроет остальные секреты. Не наоборот. Но эта лисица...

Она использовала коробку с пирожными, как подставку для фотографии и, не отрываясь смотрела, стараясь представить человека, связанного с пушистым зверьком. Или с рыжим цветом. В конце концов, интуиция безоговорочно заявила: рыжий здесь не спроста. Детектив поставила рядом с лисицей фотографии жертв. Потом взяла очередной лист и продолжила выписывать знаки шифра, в перерывах, поглядывая на снимки.

Итак, из понятного у нас есть: был, ры, ыш, му, аза, луж, ех, ый, все остальное суцая несуразица. Цифры. Что они могут значить? Дату рождения? Нет.

8753 – это код? Если так, то от чего? И что, если единица – это не восклицательный знак, а собственно цифра один? Это дает... Ничего существенного.

Александра вздохнула.

Соколов говорил о простоте взгляда. Ну что ж, попробуем представить маньяка обычным человеком с хорошей фантазией. Если бы я придумала шифровку... Ее бы никто не разгадал.

Она усмехнулась, взяла с тарелки бутерброд и принялась с аппетитом поглощать сначала колбасу, затем булку. Вытерла пальцы о салфетку и продолжила:

Если бы шифр придумывал простой человек, среднестатистический мужчина, у которого дома есть компьютер, какими бы были его рассуждения? Представим Бриза. Вот он сидит возле компьютера, перед ним клавиатура. Он смотрит на буквы и составляет шифр. «У» оставляет, «№» под вопросом, далее два «е» или «т»? Хорошо. Временно оставим и перейдем к цифрам. Восьмерку он представит, как цифру? Семерку тоже?

Взяла еще один бутерброд, запила горячим чаем.

Так, посмотрим на это еще проще. Заменяем цифры словами. Восьмерка, семерка, пятерка, тройка, единица. Возьмем первые буквы: «в», «с», «п», «т», «е» и подставим в наш шифр. Получается следующее: знак меньше – это «б», «ы» остается, «к» – это «л», «i» – «ш», «h» – «р», снова «ы», двоеточие – это шесть, «ш», «е», восьмерка – «в», единица – «е», «л», «е», семерка – «с», «ы», «ш», пятерка – «п», снова «е», а запятая может остаться запятой. Итог: былирыбшевелесьшпе. Уберем шестерку и заменим на... Двоеточие? А если использовать двоеточие с другой стороны клавиатуры? Это вполне может быть буква «ж» и тогда получается «рыж». Рыж! Рыжие! Это не «ш», это английская «i», читаемая как «и»! Рыжие!

От внезапной догадки вспотели не только ладони – все тело! Детектив запихнула в рот сразу половину бутерброда, вытащила все неоновые цвета из набора и обвела в кружок поочередно: «р», «ы», «ж», «и», «е». Подумала и добавила к ним «в», «л», «с». Ниже написала:

«Велесы» – «Волосы».

Через пятнадцать минут на листках красовались яркие сочно-зеленые буквы – своеобразный неполный алфавит, а еще через полчаса злое послание наконец было расшифровано. Довольная Селиверстова любовно поглаживала бумагу и улыбалась. На прозвучавший рингтон среагировала моментально. В телефоне прозвучал знакомый голос:

– Электричество восстановили! Спецы ответили: они разгадали первую часть послания! Пуля, у нее были рыжие волосы и...

– И поэтому, – перебила его не менее возбужденная Александра, – она заслужила вечный холод! Я разгадала, Бриз! Вот и взаимосвязь с лисицей! Рыжие! Он ненавидит рыжих!

Глава 9

Из блога Eu1h24

Я не могу сказать, что мне нравится убивать. Это скорее необходимость, нежели страсть, хотя, безусловно, когда я вижу, как последние силы покидают эсеницин, испытываю облегчение. Все из-за нее. Из-за Рыж. Я убил уже двоих, осы требуют еще, но я устал. У меня болит голова и не хочется выходить из дома, поэтому я снова попробую договориться с осами. Знаете, когда они меня не слушают, я прибегаю к одному верному способу. К какому? Начинаю чистить зубы. Подождите. Я вернусь. Да, иначе и быть не может.

Из блога Eu1h24

Я вернулся. Осы замолчали. Я чистил зубы ровно час двадцать две минуты и шестнадцать секунд. Голова не болит. А хотите я расскажу вам интересные факты об этих невероятных созданиях? Нет, не о ледяных осах, они не разрешают о себе рассказывать. Об остальных. Хотите? Да, иначе и быть не может. Лучшие говорить о них, чем думать о Рыж.

Шершневые осы при атаке на жертву используют и жало, и челюсти. Сила последних позволяет дробить хитиновые покровы других насекомых, например, тараканов или богомолов. Шершни – любители мяса и едят даже мелких грызунов. А вот мои осы мясо не любят, точнее предпочитают определенное количество – 110 грамм в сутки. Мне хватает.

Но гораздо интереснее шершней бумажные осы. Они умеют различать лица своих сородичей. Представляете, так же, как и мои ледяные друзья! А еще они относятся к тому единственному виду ос, которые жалят людей регулярно.

Помню в возрасте трех лет меня ужалила оса: было больно, нога распухла. Я сильно плакал. Мать намазала место укуса какой-то вонючей мазью, а потом купила мне большую шоколадную конфету. У нас в семье шоколад ели редко, поэтому тот день был для меня праздником и не важно, что болела нога. В конце концов, оса просто защищалась. После того случая я не стал бояться ос, хотя именно в детстве чаще всего и зарождается апифобия. Но не у меня. Я люблю ос, а они любят меня. Молчат, но я знаю правду. Да, иначе и быть не может.

Нравится: 6

Не нравится: 1

Пока Алексей на повышенных тонах вел беседу с консьержем, Василиса, переминаясь с ноги на ногу, любовалась снежинками. Они казались ей совершенными. Василиса уже не первую минуту наблюдала, как они плавно опускаются на ладонь и медленно исчезают, оставляя маленькие капельки, глядя на которые, сложно представить те удивительные узоры, что всего секундой назад очаровывали взгляд. Она всегда тонко чувствовала красоту, поэтому и пошла работать дизайнером интерьеров. Создавая уют, облагораживая безликие квартиры, она словно учила других видеть гармонию в окружающем. Ей казалось, что подобно фее из сказки, она совершает чудеса. Василиса любила сказки.

Коснувшись живота, будто наяву увидела чудесную картину: кровать в рюшах и себя, читающую книжку. Видела, как перелистывает страницы, и вслед за движениями тонких пальцев, сказки оживают – герои сами рассказывают свои истории.

Она подняла голову, устремив взгляд в седое небо и, вспоминая, как мама читала ей перед сном. Любимой сказкой была Снежная королева. Василиса часто представляла себя Гердой, а на месте Кая видела влюбленного в себя мальчика, волею злой королевы, превратившегося в злодея. Когда она была маленькой, мечтала спасти мальчика. Хотела подарить ему тепло, чтобы растопить сердце и вернуть то хорошее, что в нем было. А что, если тот, кто присылает ей странные сообщения так же нуждается в любви? Может этот парень, влюбленный в нее еще

с давних пор хочет тепла? Обычного человеческого? А пугает ее, потому что не знает, как иначе о себе заявить. Может он боится? Видит, что она не свободна, а главное, что счастлива и не в состоянии это принять? Вот и пытается хоть как-то обозначить себя в ее судьбе?

Василиса проследила за очередным волшебством на своей ладони. Романтично. Белый снег, меланхоличный город, ее Лешка, подобно рыцарю, защищающему свою принцессу от злодея и сам злодей, отправляющий таинственные послания. Как в фильме. Или как в сказке. Она – главная героиня, у нее даже имя сказочное – Василиса. И двое мужчин борются за ее сердце, а то, что один из них, как говорит ее муж, псих, лишь добавляет интереса сюжету. В фильмах вот такие вот влюбленные бывают разными, и отнюдь не всегда все заканчивается плохо. Кто знает, может именно в ее случае, с парнем нужно просто поговорить, объясниться. В конце концов, он ничего плохого не сделал. Подумаешь, написал: «Испугалась, Рыж?» Это вполне могла быть... заманка. Очередной способ привлечь внимание и опять же добавить остроты. Почему бы и нет? В фильмах так часто поступают.

– Заманка? Ты это о чем, Василек?

– Лешка, а я что, произнесла это вслух?

– Вслух, – ответил он раздраженно и, заметив, недоумение супруги, спешно добавил, – все хорошо, но запись не дают! Не положено! А пропускать в наш подъезд психов положено!

Василиса отлично знала, как быстро ее муж заводился и поэтому вмиг прервала начинающуюся тираду долгим поцелуем.

– Лешка, пойдем домой, – проворковала она, едва их губы разомкнулись, – сладкого поедем. Хочешь я быстренько печенье испеку.

Улыбка.

– Договорились? – и она первой бросилась в подъезд, но муж, перепрыгнув через две ступени снова опередил. Открывая дверь, его спина снова напряглась, и Василиса забеспокоилась.

– Лешка, ты чего? – она потянула его за рукав куртки.

– Я все-таки наведаюсь в полицию. Поем и пойду. Ты останешься дома, а лучше съезди к маме. Она будет рада.

– Ну что ты такой серьезный? Ничего ведь страшного не произошло!

– Совсем недавно ты была напугана, а я не хочу, чтобы ты боялась.

Заходя в квартиру, Василиса вздохнула:

– Боялась, а теперь не боюсь. Подумаешь, влюбленный парень...

Она чуть не добавила, как все происходящее романтично и интригующе, но вовремя поняла, что прозвучит это как минимум глупо. Муж пытается ее защитить, а она с корнем вырывает его рыцарские стремления. Это неправильно.

Быстро сняла сапоги, шапку, перчатки, повесила пальто и резко обернувшись, обезоруживающе улыбнулась:

– Бедняге все равно ничего не светит, у меня есть ты, хотя двое мужей...

– Василек, ты как ребенок, – не удержался от замечания Алексей.

– Ребенок, который идет делать печенье, – она чмокнула его в нос и походкой модели устремилась на кухню.

Тесто готовили вместе, вернее Василиса раскатывала скалкой, а супруг выискивал подходящие формочки в шкафчике с кондитерской утварью.

– Так что ты там, Василек, говорила про двух мужей? – переспросил он, выкладывая перед ней металлических уточек.

Василиса засмеялась:

– Кто еще из нас как ребенок? Почему уточки? Ты бы еще хеллоу кити выбрал.

– Ты не ответила.

– Лешка, я пошутила, просто парня жалко.

– Жалко психа?

Она пожала плечами.

Супруг поставил чайник, открыл холодильник в поисках съестного, нашел зажаристый свиной окорок, отрезал большой кусок и поставил в микроволновку. Затем повернулся к Василисе и профессорским тоном изрек:

– И довожу до твоего сведения, Василек, что уточек я выбрал не случайно. Среди всех вариантов только их форма максимально приближена к моим запросам, а именно к желанию поесть большие печенья. Слышишь? Большие.

– Ну тогда, Лешка, может просто выложить тесто на противень и дело с концом?

– А может тебя просто отшлепать?

Через минуту оба валялись на полу, перепачканные мукой.

– Когда появится малышка, мы уже не сможем так вести себя, – заметил он, поднимаясь и, отряхивая брюки.

Василиса резво вскочила и сразу принялась за печенье:

– Да Лешка, но нам никто не мешает безобразничать ночью. Ты сказал «малышка», думаешь, будет девочка?

– Я хочу девочку.

В глубине души пол немного ее волновал. Узнавать, кто сидит в животе еще рано, а неизвестность была мучительна. С одной стороны, главное родить здорового ребенка, а с другой она понятия не имела как воспитывать мальчика. Ее Лешка был идеальным. Идеальным настолько, насколько ей бы этого хотелось, а как такого вырастить? И ведь надо заранее подготовиться, узнать особые методы, а у кого спросить?

Родители мужа, во-первых, жили в другом городе, во-вторых, за год они еще не успели сильно сдружиться. Его мать Наталья Семеновна немного пугала: эксцентричная и прямолинейная. Она единственная, кто сказал Василисе, что рыжий цвет сейчас не в моде. Да какое это вообще имеет значение? Это ее родной цвет, и мода здесь не играет никакой роли! Она же говорила, что в борщ всегда добавляют томаты. Что значит всегда?! У каждой хозяйки свой рецепт! А еще Наталья Семеновна говорила, что Василиса как ребенок. Супруг это тоже говорил. Но как это звучало в устах его матери! Иногда ей казалось, что они так и не смогут найти общий язык. А его отец... Отец был Лешкой, только с брюшком и с залысиной на макушке, но и с ним она была не настолько близка, чтобы обсуждать вопросы воспитания еще не родившегося ребенка. Василиса вообще не представляла, как можно о таком говорить по скайпу, а ведь общались они в основном именно так.

Если у кого и можно было спросить совет, так это у собственной мамы, но поднимать эту тему означало беречь старую рану. А она совсем не хотела видеть, как тускнеет мамина улыбка, как наполняются слезами ее глаза, едва речь заходит о сыне. Но... не она ли сама вспомнила о нем, когда Василиса говорила о выборе имени? Так может все-таки спросить? В конце концов она решила, что постарается максимально тактично подойти к этому вопросу, и, наконец поставила печенье в духовку.

Ожидая, пока песочные уточки подрумянятся, Василиса подошла к окну. Супруг наслаждался мясом и приготовленным на скорую руку овощным салатом, в то время как она снова плыла по реке фантазий. Наблюдая, как мать с дочкой играют в снежки, она представляла, как точно так же они будут играть, едва малышка чуть-чуть подрастет. Малышка... Все-таки Василиса хотела девочку. А потом она резко почувствовала запах орегано и тут же вспомнила, что так и не приготовила мексиканский обед.

– Лешка, а ты что больше хочешь: чили кон карне или фахитас?

– Фахитас ты не раз готовила, а вот чили... как-то там я бы попробовал.

Василиса улыбнулась. Она знала отличный рецепт. Оставалось только дождаться, пока освободится духовка и снова устремила взгляд в окно. Перед мысленным взором продолжали мелькать фрагменты будущих материнских будней, а руки нежно поглаживали живот. Молодая

женщина не подозревала, что в какой-то сотне метров, в таком же блочном доме, как ее, у такого же окна стоит некто в черном растянутом свитере и вслух перебирает жертв, выбирая из них ту, что, хотя бы ненадолго сможет снова утихомирить его ледяных друзей.

Глава 10

Второе послание гласило: «Я не собирался ее убивать, но осы... Они сказали, что зеленые глаза, как у кошки заслужили вечный холод. Такие же глаза».

Александра не в первый раз с улыбкой перечитывала написанное. Детектив не скрывала своих эмоций. Она чувствовала себя победительницей, и пусть она и играла с преступником лишь в мини игру, но осознание того, что ее интеллект сумел разобраться с его хитрым шифром невероятно радовал. И не важно, что произошло это с подачи Соколова. Она не сомневалась, что с остальными загадками справится сама.

На кухонном столе, заваленном листами, исписанными лишь ей одной понятными знаками, стояла коробка с цветными ручками. Верные друзья ожидали своей очереди, чтобы помочь в создании психологического рисунка. Для простоты, она дала убийце имя «Шифровальщик». Благодаря разгаданному письму Александра могла больше не раздумывать над тем, к какой категории его причислить, он сам себя выдал – общаться с осами мог только психически нездоровый человек. Этого знания для детектива было достаточно, чтобы прийти к выводам, объясняющим фотографию с лисицей и наличие красного шарфа у обеих жертв. Несомненно, ее умозаключения были поверхностными и основывались не на логике, а на интуиции, но последняя была спутницей на протяжении многих лет и не подводила. Александра начала записывать.

Итак, Шифровальщик: ведомый, возможно душевно одинокий. Психически неустойчивый. Слышит голоса, что, прежде всего, характерно для людей с диагнозом «шизофрения». Шифр выдумал скорее всего с целью подчеркнуть свою исключительность. Почему? Обделен вниманием? Не хватает признания?

Убийства произошли с подачи голосов. Можно предположить, что изначально он этого не хотел. Возможно вовсе не агрессивен, но подвержен импульсивным поступкам.

Что касается других подсказок. Начнем с лисицы. Теперь нам известно, что первую жертву он убил из-за того, что у той были рыжие волосы. Рыжий цвет ассоциируется с шубкой лисы. Снимок зверька должен был подсказать причину, по которой Шифровальщик совершил преступление. Хитроумно, ничего не скажешь. Два варианта: либо болезнь еще не затронула интеллект, то есть заболевание не дошло до последней стадии, либо все эти идеи осуществляются с подачи другого человека. Сообщника, который и стопорит работу полиции. Возможно, он и выбирает жертвы, на первый взгляд ничем не связанные друг с другом.

Теперь перейдем к шарфу. Цвет красный. Красный=рыжий? Может в сознании Шифровальщика эти цвета идентичны? Известно, что прогрессирование шизофрении приводит к искажению восприятия зрительных образов. Это тот случай? Допустим. Но есть вероятность и другого объяснения: красный шарф на обеих жертвах может говорить о ненависти Шифровальщика к данному цвету, и если так, то выбор жертв уже не случайный.

Детектив взяла ярко-оранжевую ручку и вывела:

Взаимосвязь между женщицами заключается в красном шарфе? Или есть иное объяснение? Если первая версия верна, то как он выбирал жертв? Откуда он знал, что на них будет красный шарф? Следил? Знакомы? Или наличие шарфа – это все же случайность, которая и включила механизм агрессии? Мог ли Шифровальщик совершить преступление из-за того, что увидел красный шарф?

Селиверстова открыла упаковку печенья – у нее всегда в запасе было что-нибудь сладкое, без этого она практически не могла работать. Сейчас бы парочку тех самых эклеров, но они давно были съедены, а звонить Соколову и просить привезти еще не хотела. Но мысль такая возникала. По правде говоря, это было неплохим предлогом увидиться. Немного поду-

мав, детектив решила, что как только разберется со своими записями – позвонит. Надкусила печенье, дождалась, пока притаившиеся внутри кусочки шоколада растают на языке и вернулась к рассуждениям.

Чуть не забыла! Второе послание! Там фигурирует зеленый цвет! «Я не собирался ее убивать, но осы... Они сказали, что зеленые глаза, как у кошки заслужили вечный холод. Такие же глаза». Что это? Ненависть к еще одному цвету? А что, если речь о какой-то конкретной женщине? Рыжие волосы, зеленые глаза... Возможен ли такой вариант? И стоит ли ожидать новую жертву? И если речь об определенной женщине, то какое значение имеет красный цвет?

Звонок Бриза раздался неожиданно. Дурное предчувствие скользнуло в душу. Александра взяла телефон.

– Черт, Пуля! У нас снова труп! И на этот раз этот псих оставил сразу три подсказки!

– Это хорошо.

– Не знаю, лично я ничего не понимаю. Высылаю снимки.

Глядя на изображения, Селиверстова задавалась лишь одним вопросом: и где раньше был этот ненормальный? Столько изощренного ума и невероятных идей она давно не встретила! Крайне интересный случай, как раз как она любила. Не было, пожалуй, среди коллег или знакомых, того, кто бы не знал, что для Александры чем запутаннее дело, тем лучше. Поломать голову было ее любимым занятием.

Чувствуя невероятный прилив сил, она бросилась на кухню заваривать чай и опустошать запасы сладкого. Ближайшие часы обещали быть насыщенными. К счастью, у нее была припрятана целая плитка молочного шоколада и еще две упаковки печенья. Она прихватила сразу обе: «курабье» и овсяное, бросила на стол среди бумаг и ринулась в «бой».

Принтер гудел, а к предыдущим снимкам спешно прибавлялись новые. Теперь у нее были: пакетик с приправой «Мексика», та самая маска дьявола-быка – она оказалась красного цвета, как и предполагала Александра, и шифр. Благодаря имеющимся знаниям, разгадать его не составило труда. На новом листе появилась запись:

«Она любила зиму и поэтому заслужила вечный холод».

Что это? Еще одна характеристика неизвестной женщины? Или необъяснимый приказ, отданный голосами? Чем дальше, тем интереснее. Вот только...

Она спешно набрала номер:

– Бриз, на жертве был красный шарф?

– Нет, шарфа нет вообще, но пуховик красного цвета или... почти красного. Сейчас вышлю.

Это был не красный – малиновый, но в сознании Шифровальщика это значения не имело. Очевидным стало, что шарф не является связующим звеном, поскольку у третьей жертвы он отсутствовал. Сами жертвы совершенно не были похожи друг на друга, но в случайность их смертей Александра не верила. Интуиция подсказывала: именно цвет выступал катализатором. Если бы речь шла о черном, сером или, на крайний случай, бежевом, еще могли быть сомнения, но красный в зимнее время года среди жителей Петербурга был не настолько распространен. Люди предпочитали прятаться в темные одежды. Иногда Селиверстова думала, что в этом выборе кроется одна из причин вечно дурного и близкого к депрессии настроения прохожих. Сама она была фанатом цвета, и в ее гардеробе темными были только пара юбок и некоторая обувь.

Взяв красный маркер, детектив нарисовала женский силуэт, закрасила его сплошным цветом и задумалась:

Не мог ли цвет иметь иное значение, помимо явного символа агрессии и некой, пока не слишком понятной связи с неизвестной? Мог ли он сам по себе иметь значение для Шифровальщика?

Выписала предположение, поместила в неоново-желтый прямоугольник, отложила лист и решила переключиться на другую информацию, обратившись к новым подсказкам.

Начнем с зимы. Я не очень ее люблю. Видимо, преступник тоже, иначе как объяснить его последнее послание? Мое отношение объясняется категорическим нетерпением холода – не согревают даже тонны теплых вещей, но это не мешает мне с радостью ловить в ладони хлопья снега и с удовольствием кататься на коньках. Так что можно сказать, моя нелюбовь к зиме имеет определенные условия. Шифровальщик, исходя из его собственного объяснения, убил по причине того, что женщине нравилось это время года. Глупость, конечно, но у людей с психическими заболеваниями часто возникают бредовые мысли. Но в данном случае что это: бред, вызванный теми же голосами или вполне обоснованный мотив для убийства? Предположим, таинственная женщина может любить зиму, а все, что любит она, ненавидит Шифровальщик. Этим и объясняется преступление. Возможно? Вполне. Не стоит забывать главного, перед нами нездоровый человек, а от таких можно ждать чего угодно.

И тут от осознания совершенной над несчастными жертвами жестокостью ей стало невыносимо страшно. До какой степени нужно кого-то ненавидеть, чтобы желать смерти по такому ничтожному поводу, как любовь к определенному времени года?! Александра попыталась представить Шифровальщика, и перед глазами возник образ обычного мужчины с покатым лбом, тонкой спинкой носа с горбинкой, ударной челюстью – чертами, которые в физиогномике считаются характерными для людей импульсивных и жестко принципиальных в незначительных вопросах. Если преступник изначально имел непростой характер, то в совокупности с психиатрическим диагнозом становился и вовсе чудовищем. Она зажмурилась – ей резко расхотелось смотреть на лица убитых, на подсказки. Она боролась со страхом и с жалостью. Жалостью к женщинам, чьи тела лежат в морге. Жалостью к Шифровальщику – глубоко больному человеку, чья жестокость превосходила все моральные принципы.

Мобильник в руке оказался машинально, слова в трубку она произносила быстро и уверенно:

– Приезжай, жду.

А после спешно собирала записи и снимки, убирала в ящик стола и сидела на кухне возле окна, ожидая, когда рядом окажется человек, с которым можно и посмеяться, и серьезно поговорить. Человек, с которым казалось, что мир не так жесток, а больные люди способны излечиться.

Иван всегда был рад помочь Пуле. Порой ему казалось, что ради нее он готов на преступление, потом сам же над этим смеялся – Александра не то, что на просьбу – на подобную мысль была неспособна. Когда она позвонила, он как раз выходил с работы. После звонка поехал в магазин. Хотел порадовать подругу вкусным тортом и блинами из «Теремка». Погруженность в криминальные головоломки не позволяла ей тратить время на плиту, хотя был короткий период, когда она его удивляла собственноручно приготовленной едой. Он с улыбкой вспомнил, как первый раз отведал драники, убрал в пакет пару блинов и поспешил в кондитерскую. Пуля была жуткой сладкоежкой, он знал, что единственное, что та не приемлет – это шоколадные конфеты с ликером. Так же знал, что несмотря на любовь к выпечке вообще, больше всего Александре нравились бисквитные торты. Он выбрал с фруктами и нежным сливочным кремом, ни капли не сомневаясь, что с выбором угадал и направился к выходу. Уже в машине он представлял, как они будут сидеть на ее кухне в салатových тонах, наслаждаться обедом-ужином и обмениваться новостями. Ему было, что сообщить по поводу расследования – опознали первую жертву и более того, имелись определенные зацепки для поимки убийцы. Он не успел об этом сообщить по телефону – она попросила приехать и сразу бросила трубку. И теперь Иван не мог дожидаться, когда порадует Пулю тем, что сумели выяснить в отделе.

Он уже был в нужном районе, когда зазвонил телефон. На другом конце провода были настойчивы, и, Резников, не говорящий по мобильному за рулем, с беспокойством притормозил у обочины:

– Она в порядке? Скажи, она в порядке?

– Да, но... Ваня, приезжай...

Машина резко рванула в обратную сторону.

Глава 11

Василиса и Алексей вместе сходили в магазин, купили говядину, бобы, с трудом, но все-таки нашли чоризо – для этого пришлось съездить в центр, была там пара магазинов с редкими зарубежными продуктами. Привезли все это домой и Алексей отправился в полицию, а Василисе ничего не оставалось, как ждать его дома и готовить Чили кон карне. Рецепт она нашла на одном из кулинарных сайтов еще месяц назад и на всякий случай переписала в толстую тетрадь. Молодая женщина, как и ее мать предпочитала делать записи от руки. Во-первых, так лучше запоминалось, во-вторых, ей просто нравилось писать ручкой – обязательно тонкой и гелевой. Почерк у Василисы был красивый, даже ее Лешка это замечал. Когда они только начали встречаться, она ему четверостишия сочиняла. Он еще тогда заметил, каким удивительным образом в девушке двадцать первого века сохранилось не просто умение писать на бумаге, а красиво писать. Коллеги объяснили Василисе, что это называется каллиграфией – ей было все равно, просто нравилось писать *так* и все тут.

Радуя супруга необычными блюдами, она и сама радовалась, как ребенок. Для нее не было ничего более приятного, чем наблюдать, как ее Лешка с аппетитом уплетает очередной деликатес. Кухню готовила разную, но из-за равнодушия к говядине, идею приготовить Чили кон карне все откладывала на потом, а сегодня вдруг захотелось. Видимо, вкусы действительно менялись.

Василиса уже в сотый раз дотронулась до живота, немного огорченная тем, что пока еще не замечает никаких изменений в фигуре. Она понимала, что срок слишком мал, но так хотелось поскорее поведать всему миру о том, что у них с мужем будет ребенок. Василиса протяжно вздохнула и надела передник. Даже если ее Лешка вернется быстро, она должна успеть хотя бы замариновать мясо.

По сути рецепт был не сложным, но занимал пол дня, и поэтому, чтобы как-то ускорить процесс приготовления, Василиса его, во-первых, чуть-чуть переделала под себя, а во-вторых, совершала несколько манипуляций одновременно. Она бросила в большую миску с небольшим количеством подсолнечного масла щедрую порцию коричневого сахара, зиры, корицы, орегано, гвоздики, соли и перца, перемешала и опустила мясо в душистую смесь. Пока мясо пропитывалось яркими ароматами, измельчила в блендере лук и чеснок, порезала на кубики чоризо, подумав, что эта колбаса может стать ее любимой, уж больно ароматно-остро пахла, мелко, чуть ли не в крошку, порубила перец чили и открыла банку консервированных помидоров. В ожидании, пока мясо промаринуется, съела три штучки, а потом, когда жарила куски говядины, съела еще пять. В итоге, помидоров не хватило и пришлось сок оставшихся «пузатиков», как она всегда их называла, смешать с обильным количеством кетчупа. Последующие два часа, пока мясо под соусом томилось в духовке, превращаясь в нежнейшее и вкуснейшее блюдо, Василиса провела за уборкой: мыла посуду, гладила свои многочисленные наряды. Почему-то именно сейчас хотелось, чтобы от чистоты все искрилось. Она слышала, что подобное желание, называемое «обустройстваем гнездышка» характерно для беременных на последнем сроке, но у нее всегда все было не совсем, как у всех, так стоит ли удивляться? Мама часто говорила, что Василиса особенная, и молодая женщина в этом нисколько не сомневалась. В школе ее часто называли «белой вороной»: училась лучше всех, вела себя послушнее других, и ко всему прочему выделялась внешностью. Речь не только о природном цвете волос и зеленовато-желтым кошачьим глазам, которые покорили не одного одноклассника, но и манере одеваться. Стиль Коко Шанель она присвоила еще в девятом классе. Одевалась так только она и не только в классе – во всей школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.